

101

ПРОЗАИК XXI ВЕКА

Юрий
Сидоров

ПРОБУЖДЕНИЕ

...

Сквозь открытую дверь виднелась стоящая у окна кровать, на которой неподвижно лежал молодой человек с немного заострившимися чертами лица и кожей, забывшей, что на свете бывает загар. Руки его были вытянуты по бокам и покоились поверх одеяла. Именно покоились – настолько неподвижны они были. Лицо молодого человека через проем двери было видно плохо из-за стоявших рядом с ним технических конструкций со всякими полочками, трубочками, шлангами, сосудами.

р о м а н

101 прозаик XXI века

Юрий Сидоров

Пробуждение

«У Никитских ворот»

2020

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.44

Сидоров Ю. В.

Пробуждение / Ю. В. Сидоров — «У Никитских ворот»,
2020 — (101 прозаик XXI века)

ISBN 978-5-00170-073-9

Редчайшая болезнь вычеркнула из жизни Алексея Карпунцова шестнадцать с половиной лет. В далеком туманном прошлом остались родители, жена с крохотным сыном, брат и сестра. Мир радикально изменился, изменились и близкие. Каково же теперь место Алексея в этих новых условиях? Не поломает ли его возвращение устоявшуюся жизнь родных?.. Перед глазами читателя проходит вереница судеб – близких Алексея и тех, кто сталкивается с ним волей случая или выполняя служебные обязанности. И жизнь каждого преломляется через «второе пришествие» Карпунцова...

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.44

ISBN 978-5-00170-073-9

© Сидоров Ю. В., 2020
© У Никитских ворот, 2020

Содержание

Духовное пробуждение	6
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	38
Глава 6	46
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Юрий Сидоров

Пробуждение

© Сидоров Ю. В., 2020

© Оформление, серия, Издательство «У Никитских ворот», 2020

* * *

Духовное пробуждение

Первое, что поражает в романе Юрия Сидорова «Пробуждение», – это то, сколь он кинематографичен. Сразу видно, что Сидоров прекрасно знает, как важно в современной прозе некое превалирование показа над рассказом. Все персонажи почти стереоскопично зримы, и добивается этого автор через речь. Диалоги и внутренние монологи выстроены таким образом, что легко угадывается характер персонажа. Помимо речи, у каждого героя дискурсы поведения, равно как и система взаимоотношений с другими персонажами, существуют настолько органично, что их внешность совсем не трудно себе представить. И если этому роману когда-то суждено быть экранизируемым, то режиссеру не придется тратить много проб для подбора актеров.

В основе сюжета лежит событие из ряда вон выходящее. Из летаргического сна выходит пациент, который пребывал в нем много лет. Прием не новый, он уже неоднократно использовался в литературе, вспомним «Авиатора» Евгения Водолазкина, но Сидоров, благодаря своей изобретательности в части сюжетной и композиционной структуры, выжимает из него много нового, а за счет персонализации всего происходящего на страницах романа создает образную и смысловую новизну.

У Сидорова хорошо поставлена писательская рука. Можно брать любой фрагмент и восхищаться его органичностью:

«В приемной перед дверью директорского кабинета – а Померанцев, с тех пор как стал исполняющим обязанности директора, часть дня проводил здесь – вертелась на кресле секретарь Лина. Она разглядывала в зеркальце результаты нанесения туши на ресницы. Дверь из коридора в приемную была открыта, и Лина не успела спрятать зеркальце и тушь в косметичку. Лицо ее от смущения покрылось краской, но Карпуцов с сестрой не обратили на секретаришу никакого внимания. Мелешкину же захотелось рассмеяться, но он сдержался, решив, что Лина может обидеться. В результате Артем лишь заговорщицки подмигнул девушке и получил в ответ благодарную улыбку».

Обратите внимание, сколько каждая фраза передает оттенков, сколько нюансов в поведении героев, как много в этом абзаце действующих лиц, но каждый на своем смысловом месте, как ритмически правильно выстроена фраза, какой простой и в то же время насыщенный язык.

Конечно, одной из ключевых парадигм романа становится то, что главный герой Алексей выходит из летаргического сна в 2003 году, а впал он в него еще при Советском Союзе. Можно было бы из этого сделать прямую смысловую конструкцию, но Сидоров поступил с этим обстоятельством весьма тонко, показав его через событие, через диалог, через деталь.

«– Упражнения для мышц ног делали, – продолжил физкультурник, – ну и подошли к окну. Он глянул вниз и спрашивает меня: делегация иностранная приехала? Я думаю, что за бред такой, откуда пациент это взял. В итоге оказалось вот что: он когда в окно посмотрел, то увидел у нас на стене триколор российский. Флаг как на 9 Мая вывесили и еще не сняли. А Алексей не знает, что флаг теперь такой, да и страна у нас совсем другая. Я растерялся, чего-то пробормотал, потом Ивану Петровичу рассказал. Тот с пациентом уже сам поговорил. Чего рассказал – не знаю, но Алексей больше у меня про флаг не спрашивал».

К какому жанру следует отнести роман Юрия Сидорова «Пробуждение»? С одной стороны, это, конечно, реализм, все персонажи абсолютно натуральны, обстоятельства их быта подробно изучены и переданы в романе, но основная сюжетная пружина все же замешана на

мистике, особенно в те моменты, когда герой начинает по дням стареть, как бы нагоняя время, проведенное им в летаргии. Поэтому этот реализм с большой долей мистики. И мистика эта помогает решению многих художественных задач.

Первые главы романа Алексей в больнице, и к нему приходят его родственники. То, как они реагируют на его внезапное пробуждение, прекрасно характеризует их. А именно то, как они к нему относились прежде и как они изменились за время его летаргического отсутствия. Прием очень богатый, и пользуется им автор хоть и бережно, но очень эффективно.

Персонажи подключаются к действию, как голоса в музыкальной полифонии, тут не только родственники, тут и врачи клиники, и журналистка газеты «Дно», и другие люди.

Этот роман о людях, людях простых, что очень важно, людях со своими слабостями, сомневающих, устраивающих свою жизнь так, как получается, как позволяют условия. Это еще одна важная смысловая оппозиция этого текста: необычайное событие и обычные люди. Это непростое испытание, и в нем накаляются композиционные моменты, оно придает роману должную горизонтальность. Сидорову не нужны лишние особые обстоятельства в жизни людей, кроме пробуждения Алексея. Он изучает простого человека, и под его писательским микроскопом этот человек становится интересным и значимым. Такой вот гуманистический реализм. Его не хватает в нашей литературе в последнее время.

Не буду пересказывать все сюжетные коллизии романа, чтобы не лишать читателя интриги. Скажу лишь, что роман этот вы прочитаете на одном дыхании. А дочитав до конца, поймете, что название «Пробуждение» имеет много значений. Это не только выход главного героя из состояния летаргического сна, но и пробуждение духовного в человеке, в мире.

Автор словно подталкивает нас к мысли, что, если люди будут руководствоваться духовными помыслами в своих поступках, мир застрахован от энтропии, как бы сильно она в наше время себя ни проявляла.

Максим Замиев

Главный редактор «Литературной газеты», первый заместитель председателя МГО Союза писателей России, член Совета по правам человека при Президенте РФ, Президент «Академии Поэзии»

Глава 1

Виктор Голубничий протер глаза и посмотрел на часы. Секундная стрелка монотонно и неумолимо совершала свой бег по циферблату. Часы были простенькие и совсем легкие. Но сейчас почему-то запястье ощущало тяжесть металла.

«Устал я, наверное, под утро, – решил Голубничий и зевнул. – Ничего, до восьми всего час остался с копейками. Придет Лена, передам ей дела и домой, отдыхать! Надоели эти дежурства до чертиков! Интересно, Верочка уже проснулась?» При мысли о крохотной дочурке по телу Виктора стало разливаться приятное тепло, а в голову начали слетаться легкие и радостные мечты, одна краше другой.

С улицы ворвались звуки разрывающихся то ли петард, то ли ракет. В пиротехнике Голубничий разбирался не особо, но смотреть фейерверки и салюты любил. Да и кто этого не любит? Даже сейчас, когда небо уже вовсю стало светлым и отдалось во власть майского утра, разноцветные букетики огненных цветов, неудержимо спешившие навстречу земле, приковывали внимание и приносили в душу радость. «Кто-то до сих пор День Победы продолжает праздновать, – подумал Виктор. – А у меня 9 Мая в этом году мимо прошло из-за дежурства. Ладно, сейчас освобожусь, посплю дома маленько, и отметим потом. Стол накроем, посидим, все как полагается. Надо бы гостей позвать. Посмотрим по ходу, все ведь вчера отмечали, сегодня, как пить дать, отсыпятся».

Голубничий быстренько подогрел воду в электрочайнике, опустил в чашку пакетик с бергамотом и начал с удовольствием втягивать в себя запах утреннего чая. По-хорошему стоило бы сейчас заключительный обход пациентов сделать, но так хорошо было сидеть в кресле у окна в кабинете дежурного врача, вытянув ноги и смакуя маленькими глотками ароматный горячий напиток. «Ладно, ничего не случится, – успокоил себя Виктор, – через час Лена заступит, вот пусть она и делает обход. Да и вообще, что у нас в клинике может произойти? Не психушка обычная все-таки, хоть и региональным центром психиатрии называется. Буйных у нас нет, спокойные все. Особенно Сорок пятый». Голубничий поймал себя на мысли, что нехорошо так шутить. Если представить себе, то не дай Бог оказаться на месте Сорок пятого. Но Виктор тут же успокоил себя: «От мыслей моих Сорок пятому ни тепло, ни холодно. И вообще, надо поменьше ранимым быть. Сколько их, пациентов разных, у меня еще в жизни будет! Если насчет каждого переживать сверх меры, на себя всех примеривать, то никаких нервов не хватит».

Виктор услышал мерные шаги Аннушки, раздававшиеся с расположенной за стеной лестницы. «Сорок пятого пошла кормить», – машинально отметил про себя Голубничий и отпил, смакуя, очередной глоток чая. Где-то вдалеке раздался звук трамвая, успешно преодолевавшего стык рельсов. «Скоро и я на нем домой поеду. – Приятное настроение овладело Голубничим, но тут же несколько потускнело от соприкосновения с реальностью. – Блин, сорок минут тащиться. Хорошо, что сегодня суббота, да еще и праздники сейчас. Как-никак поменьше народа будет. Надо, надо покупать машину. Вот только деньги где взять? Нет, сначала квартира. На первый взнос уже накопили, считай, чуток осталось. Осточертела эта малосемейка. Почти что общага, только душ с туалетом свои, вот и вся разница. Да и ведомственная она. Захочешь куда уйти, и прощай квадратные метры!» Уходить из клиники Голубничий пока не собирался, работа по большому счету интересная, да и на диссертацию со временем собрать материал можно, но мысль о ведомственном жилье угнетала. Настроение у Виктора враз испортилось, и он решил срочно переключиться на что-то приятное. Негоже и самому расстраиваться, и жене свое минорное состояние передавать. В конце концов, дежурство почти закончилось, впереди суббота с воскресеньем, да и праздник вчера большой был, светлый.

Голубничий допил чай и решил пойти сполоснуть свою чашку с устремленным в небеса шпилем Домского собора и надписью «Riga» сверху и снизу, как его остановил и заставил вздрогнуть истошный женский крик с лестницы.

Этот пробирающий до костей вопль словно взрывной волной выкинул Виктора из мягкого, такого приятного после ночи на дежурстве, кресла и потащил на лестничную площадку. Сверху, с четвертого этажа, заплетающимися между собой ногами скользила вдоль перил Анна Мефодьевна, Аннушка. Только руки, мертвой хваткой вцепившиеся в покрашенные пару месяцев назад коричневой краской перила, позволяли ее погрузневшему от возраста телу не рухнуть. Лицо Аннушки было как накрахмаленное белье, по которому голубоватыми узорами разбегались резко ставшие заметными морщины. Впереди, словно прокладывая ей путь, со ступеньки на ступеньку скатывалась, подпрыгивая и подскакивая, прозрачная мягкая бутылочка с жидкой пищевой смесью.

– Витя!!! Он там... там... глаза, – громко восклицала Аннушка, преодолевая на автомате последние пару ступенек.

Наконец она сделала заключительный шаг и уткнулась лицом в грудь Голубничего, пытаясь обхватить его корпус ослабевшими напрочь руками. Виктор машинально прижал дрожащую фигуру старшей сестры к себе и попытался понять хоть что-нибудь:

– Анна Мефодьевна, чьи глаза? И кто там? Сорок пятый? Он?

Аннушка в ответ утвердительно задрожала головой прямо в грудь Голубничему.

– Что, что с ним? Анна Мефодьевна, не молчите, – вопрошал Виктор, инстинктивно пытаясь отодвинуть хоть на чуть-чуть неизбежность своего подъема на четвертый этаж, в палату с номером 45.

– Открыл. – Аннушка смогла выдавить из себя единственное слово.

– Что открыл? – в очередной раз переспросил Голубничий, но уже предчувствуя, каким будет ответ.

И предчувствие его не обмануло.

– Глаза... открыл... моргнул... Я чуть не упала... побежала сразу, – забубнила, перемешивая слова слезами, Аннушка. – Витя, ты пойди, посмотри, как он там. Один пойди... Я не смогу сейчас с тобой... присяду... ноги совсем не держат...

Голубничий довел повисшую на его руках и груди Аннушку до кабинета дежурного врача и опустил там в кресло, даже догадался заварить сразу пакетик чая из еще не остывшего чайника.

– Анна Мефодьевна, вы тут посидите, а я сейчас в сорок пятую сбегая, посмотрю там... И не бойтесь вы, – уговаривал старшую медсестру Виктор, краешком сознания понимая, что на самом деле уговаривает себя. – Чего вы испугались? Это же радоваться надо, если у пациента веки задвигались и глаза приоткрылись. Мы столько лет этого ждали. Это я тут недавно, без году неделя, что называется. А вы давно, да и Иван Петрович тоже...

Выйдя из кабинета, Голубничий свернул на лестницу и на едином порыве, перемахивая через две ступеньки, взбежал со своего третьего этажа на четвертый. «Лучше побыстрее, лучше сразу. В конце концов, чего бояться, – мысленно уговаривал он себя, – не черта же я там встречу. И даже не пришельца. Обыкновенный парень, молодой совсем, примерно как я. Вот только парню этому под полтинник будет». От осознания возраста пациента Голубничему сделалось не по себе, как в тот самый первый раз, когда он, желторотый студент из Питера, попал на практику в Светлоярский региональный центр психиатрии и неврологии. Но сейчас отступать и предаваться воспоминаниям было поздно. Он уже стоял у двери в палату номер 45, распахнутой обычно предельно аккуратной Аннушкой во всю ширину. Да и чего бояться? Виктор бывал в 45-й множество раз, при каждом обходе. Вот и вчера заглядывал дважды: утром, как на дежурство заступил, и во время вечернего обхода.

Сквозь открытую дверь виднелась стоящая у окна кровать, на которой неподвижно лежал молодой человек с немного заострившимися чертами лица и кожей, забывшей, что на свете бывает загар. Руки его были вытянуты по бокам и покоились поверх одеяла. Именно покоились – настолько неподвижны они были. Лицо молодого человека через проем двери было видно плохо из-за стоявших рядом с ним технических конструкций со всякими полочками, трубочками, шлангами, сосудами.

Голубничий быстро подошел к кровати и внимательно, уже без страха, всмотрелся в неподвижное лицо лежащего пациента.

Вроде бы всё как всегда. Неестественно бледное лицо, сомкнутые веки и какое-то состояние застывшей во времени обреченности. «Словно в Мавзолее», – иногда повторяла Лена, Елена Гаврилова, та самая, что уже совсем скоро должна была приехать принимать дежурство у Голубничего. «Видно, показалось Аннушке, померещилось», – почти успокоил себя Виктор. Он уже собирался повернуться и пойти к себе, как вдруг заметил подрагивание век у Сорок пятого. Такого не бывало еще ни разу на его памяти. Да и до этого тоже, судя по истории болезни и, самое надежное, по отсутствию рассказов.

«Черт! – Голубничему стало не по себе. – А может, мне померещилось после Аннушкиных криков? Внушил себе бог весть что, вот нервишки и раскочегарились. Да еще дежурство позади, не выспался ни фига. Так и до привидений недалеко...»

Действительность в мгновение ока разрушила все логические построения Виктора. Сорок пятый открыл глаза, оба сразу. «А я и не знал, что они у него карие. – Голубничий удивился тому, какая несуразная мысль пришла первой, и попытался овладеть собой. – Все, надо собраться! Я же врач, в конце концов! Такое большинство никогда в жизни и не видели, в учебниках только читали. А мне... мне просто сказочно повезло! Но надо же действовать. Чего я столбом стою!»

Виктор сообразил, что из головы напрочь выскочило все, когда-либо прочитанное в учебниках и монографиях.

– Как вы себя чувствуете? – машинально обратился он к Сорок пятому, лихорадочно пытаюсь вспомнить, как зовут пациента: в самый нужный момент имя испарилось из головы.

Молодой человек на кровати медленно сомкнул веки.

– Нет! Нет, только не это! – крик вырвался из груди Голубничего. – Парень, ты слышь... не засыпай назад!

Виктор схватил холодную, как всегда, руку Сорок пятого и стал нащупывать пульс. Неотрывно глядя на секундную стрелку своих часов, Голубничий насчитал тридцать семь ударов вместо обычных шести-девяти.

Глаза Сорок пятого оставались привычно сомкнутыми, но Виктор понимал, что теперь это не важно. Чудо уже произошло! Впрочем, какое чудо? Когда-то такое должно было случиться. От страха в душе Голубничего не осталось ни следа, ему на смену пришел сильнейший душевный подъем. «Это невероятно! – ликовало сознание Виктора. – А я видел! Своими собственными глазами видел! Но что теперь надо делать? В какой последовательности? Сейчас Гаврилова придет, вместе сообразим. Да к черту эту Гаврилову! Она что, больше моего понимает? Подумаешь, ну старше лет на пять, а толку от этого? Опыта все равно ни у кого нет: ни у Ленки, ни у меня, даже у Померанцева. Вот с него и надо начинать!»

Голубничий посмотрел еще раз на неподвижное лицо Сорок пятого, на его вытянутые вдоль туловища по команде «смирно» руки и быстро, почти бегом направился в кабинет дежурного врача. По дороге он перемахивал по две-три ступеньки, но ни разу не споткнулся.

– Витя, что там? – дрожащим голосом пролепетала видевшая ох как много за долгую медицинскую жизнь Аннушка.

– Все замечательно, Анна Мефодьевна! – От избытка заполнивших душу эмоций Голубничий чмокнул старшую медсестру в щеку. – Сорок пятый проснулся!

– Господи, прости и сохрани нас, грешных! – начала истово креститься Аннушка, хотя особой религиозности у нее никто не наблюдал.

– Анна Мефодьевна, надо звонить Померанцеву. Как его жену зовут? А то я опять забыл. – Виктор стал доставать из-под покрывавшего стол плексигласа бумажку с домашним телефоном главврача.

– Да, Витенька, конечно, звони. Только они с женой на даче могут быть. А ее Ираидой Николаевной кличут.

– Точно! И почему у меня имена из головы вылетают? Я вот, Анна Мефодьевна, как зовут Сорок пятого, тоже забыл, – с сокрушением признался Виктор, набирая номер телефона Померанцева.

– Это у тебя от нервов, Витя. Даром что сам доктор, – рассудила Аннушка. – А его Алексеем кличут. Карпунцов Алексей.

– Точно! Карпунцов! – Виктор размашисто хлопнул себя по лбу и, услышав в трубке женский голос, торопливо, скороговоркой произнес: – Ираида Николаевна? Доброе утро! Это Голубничий из клиники. С Днем Победы вас! Скажите, а Иван Петрович дома? Можно его?

– Доброе! Спасибо, вас тоже с прошедшим! А Ивана Петровича нет. Вот только-только вышел, на дачу поехал.

– На дачу? Как же так? – От растерянности голос у Голубничего задрожал. – Он нам очень нужен. Позарез!

– Случилось что-то? – забеспокоилась Ираида Николаевна.

– Ну да, – неопределенно начал Виктор, но тут же спохватился и попытался продолжить более оптимистично: – Ничего страшного! Вот честное слово. Но нужна его консультация, причем оперативно. Вот только не знаю, как и быть, раз Иван Петрович уехал.

– А чего тут знать-то? Звоните ему на сотовый. Ваня всегда теперь с собой его таскает.

– На сотовый? – с боязнью в голосе протянул Виктор.

О том, что у главврача уже примерно с год был мобильный телефон, Голубничий, естественно, был в курсе. Вот только не звонил ни разу и даже толком не знал, как правильно набирать номер. Своего-то сотового у Виктора не было. Лина, правда, периодически заводила разговор, что неплохо бы купить такую штучку. Но Светлоярск, хоть и областной центр, все же не Москва и не Питер. Это там, по слухам, сейчас чуть ли не у каждого третьего сотовый появился. Даже если не у каждого третьего, то у каждого четвертого наверняка. А в Светлоярске жизнь попроще, столичные новшества с запозданием доходят. Да и зачем он в данный момент нужен, этот сотовый, если звонить некому. У друзей-приятелей тоже ни у кого нет. Вот если бы выдали в клинике, тогда другое дело. Но не выдавали пока, хотя разговоры периодически ходили. А могли бы! Вон компьютеры поставили, правда, тут американский фонд оплатил. Ну и ладно: американцы могли бы и сотовые оплатить, не обеднеют. Ивану Петровичу, говорят, область профинансировала. Он человек со статусом, ему и из Москвы, из Минздрава в любой момент позвонить могут.

– Не знаете как позвонить? – любезно пришла на помощь Голубничему Ираида Николаевна. – Ладно, я сама его сейчас наберу. Только что сказать? И напомните мне ваше имя, пожалуйста.

– Ираида Николаевна, спасибо огромное, – с облегчением затараторил Виктор. – Вы скажите ему, пожалуйста, что... что есть изменения с больным в палате сорок пять. А зовут меня Голубничий, ну в смысле Виктор. А Иван Петрович на машине поехал?

– Ну вот что, Голубничий в смысле Виктор, – рассмеялась супруга главврача, – сейчас я ему позвоню и попрошу связаться с вами. Он без машины. Мы на дачу на велосипедах ездим, благо от дома всего четыре километра с небольшим. Ладно, ждите, он вас наберет.

– Спасибо вам огромное! – Голубничий с облегчением положил трубку телефона и увидел входящую в кабинет Лену Гаврилову.

Лицо у сменщицы было не особо радостным. Как-никак целое дежурство впереди, суббота, считай, пропала, да еще и в праздничные дни.

– Всем привет, – вяло помахала рукой Гаврилова и, заметив побледневшее лицо Аннушки, испуганно спросила: – Случилось что?

Анна Мефодьевна никак не отреагировала, безотчетно теребя в руках кружку. А собиравшегося произнести нечто осмысленное Виктора опередил телефонный звонок. Голубничий рывком сорвал трубку:

– Иван Петрович! У нас тут нештатная ситуация! Сорок пятый проснулся! Глаза открыл, потом, правда, снова закрыл.

– Витенька, ты что же, домой теперь не скоро придешь? – взамен главврача в трубке ласково струился обеспокоенный голос жены. – А мы соскучились, очень! Верочка тебе ручкой машет. Такая умора!

– Линочка, я приеду. Только попозже немножко. Ты, пожалуйста, не беспокойся, все в порядке на самом деле. Приеду – расскажу.

– А долго ты еще? – тихо переспросила Голубничего жена.

– Да нет, не долго. Вот только Ивана Петровича дождусь, он скоро должен быть. Пока, не скучайте там с Верой! – успокоительно закончил разговор Голубничий.

– Что я слышу? – Гаврилова застыла на месте. – Карпунцов... пришел в себя? Проснулся?

И снова тревожный звонок телефона не позволил Виктору ответить коллеге. Он схватил трубку:

– Лина, ну я же сказал, что скоро приеду. Не занимай телефон, пожалуйста, я жду звонка Померанцева.

– А я уже позвонил, – спокойно, но с лукавинкой в голосе прозвучало в ответ. – Ну что у вас там случилось, коллега?

– Ой, простите, Иван Петрович, – на лице Голубничего выступила краска. – Это тут мне жена все названивает, домой ждет. Вы так быстро перезвонили! Ой, доброе утро, совсем забыл!

– Доброе, доброе... Врач и должен быстро реагировать, иначе это и не врач вовсе. Но вы все-таки, когда срочно, сами мне на сотовый звоните. Хорошо, жена дома была. А если бы не было? Ладно, Виктор, выкладывайте, что там у нас произошло?

– Сорок пятый... в смысле больной Карпунцов... глаза открыл.

– Алексей Карпунцов открыл глаза?! – перебил Голубничего Померанцев. – Проснулся? Ну так с этого и начинать было надо.

– Да я и начал... вообще-то, – робко возразил Виктор.

– Ладно, извините. Это я от неожиданности на вас наехал. – Померанцев умел признавать свою неправоту. – Сейчас приеду. Карпунцов что-то произнес, пошевелился, попытался встать или хотя бы сесть? В настоящий момент он как?

– Нет, нет, Иван Петрович, он только открыл глаза, на мой вопрос никак не отреагировал и затем закрыл глаза. Да, важно то, что Сорок пятый, ой, простите, Карпунцов дважды глаза открывал. Первый раз, когда Анна Мефодьевна к нему в палату вошла, а второй раз при мне.

– Пульс пробовали?

– Да, конечно. – Голубничему стало приятно, что он все-таки не до конца растерялся и кое-что сделал правильно. – Тридцать семь ударов.

– Все, я еду, ждите! – подытожил главврач и спросил напоследок: – А сейчас кто с ним? Анна Мефодьевна? Вы один в клинике или кто-то еще есть?

– Иван Петрович, извините, моя промашка вышла. – Лицо Голубничего вновь начала покрывать краска. – Он сейчас один в палате. Анна Мефодьевна здесь сидит, со мной... Растерялись мы. Сейчас схожу к нему, поднимусь.

– Вы не ответили: есть еще кто-нибудь на месте?

– Лена... доктор Гаврилова вот только что пришла, у нее дежурство начинается.

– Вот и хорошо. Пусть тогда она со свежими силами прямо сейчас в сорок пятую палату и поднимется. А я совсем скоро буду.

В телефонной трубке зазвучали короткие гудки. «Мне не доверяет, что ли? Думает, крыша поехала, раз Ленку посылает?» – расстроился Голубничий и уставился на Гаврилова, которая продолжала опираться на дверной косяк:

– Задание тебе от начальства: сходить и посмотреть, как там Сорок пятый.

– А ты как же? – невпопад отреагировала Лена.

– А я что? Главный тебе доверяет. Думает небось, что у меня шарики за ролики в башке заехали.

– Ничего он не думает, перестань! – уверенно взмахнула рукой Гаврилова. – И вообще, что вы тут оба как прибитые сидите. Радоваться надо – человек к жизни возвращается! А они от страха дрожат, точно анаконду в коридоре встретили, по лестнице боятся подняться. И медиками еще называются!

«А ведь она тоже боится, – подумал Виктор, – оттого так и распаляется».

– Ой, а я ведь его, Алешку этого, и не покормила с утра, – всплеснула руками Аннушка.

– Да погодите вы, Анна Мефодьевна, тут сейчас не до кормежки. – Лена продолжала брать бразды временного правления в свои руки. – Такое раз в жизни случается, а вы о завтраке. Вот приедет Померанцев, все и решим. Всё, пошла наверх.

Глава 2

Померанцев приехал в клинику быстро. Даже быстрее, чем ожидал. Хотя чему тут особо удивляться: не столица все-таки, да и три выходных дня сыграли роль, многие за город потянулись. Как-никак май на дворе. Понятно, что Светлоярск – не Сочи, но в такое время уже тепло бывает. А в этом году особенно: синоптики передают, что температура воздуха на два-четыре градуса выше многолетней климатической нормы.

Всю дорогу Ивана Петровича пробирала некрупная, но осязаемая дрожь. Нет, чувства страха не было. За долгие годы врачебной практики многое пришлось повидать. И вообще, если бояться, то лучше сразу профессию менять, как когда-то в юности говорил им, студентам, один из преподавателей в мединституте. Дрожь происходила из другого: от нервного возбуждения, от желания увидеть своими глазами то, чего пока не приходилось наблюдать за всю многолетнюю практику, да еще, пожалуй, от желания начать побыстрее действовать.

Дома жена, Ира, только взглянула на него, влетевшего на одном дыхании с велосипедом в руках на их третий этаж, и сразу все поняла. «На весь день?» – привычно спросила она. Даже не вздохнула вслух от досады, что тщательно построенные на сегодняшний день планы рассыпались как карточный домик. Вот что значит замужем за врачом пробыть всю жизнь.

Ираида Николаевна, как всегда в таких случаях, успела сунуть мужу сверточек с едой, свои фирменные пирожки, в данном случае с яйцом, рисом и луком, несмотря на слабые возражения Померанцева о том, что столовая в медцентре работает все 365 дней в году – больных же надо кормить.

При воспоминаниях о жене Ивану Петровичу сделалось тепло на душе, дрожь куда-то ушла и, когда он въезжал на парковку на заднем дворе клиники, им полностью овладело желание немедленно все увидеть своими глазами и начать действовать.

Совсем по-юношески Померанцев взлетел по лестнице, игнорируя существование лифта, в свой кабинет на третьем этаже, вымыл руки, надел халат и уже более степенно, шагом, как и подобает главному врачу регионального центра психиатрии и неврологии, пошел в кабинет дежурного по клинике. Там обнаружилась только Аннушка, сразу всплеснувшая руками и зататорившая:

– Ой, Иван Петрович, тут у нас такое творится! Такое творится, что даже сказать не знаю как!

– Анна Мефодьевна, – Померанцев обращался к медсестре по имени-отчеству, хоть и знал ее много лет, – совсем на вас не похоже. Вы всегда спокойная, рассудительная, а тут... дали волю эмоциям. Даже «доброе утро» не сказали. Конечно, не каждый день такое бывает, но пугаться нечего. И печалиться тоже. Наоборот, радоваться нужно, мы ведь этого столько лет ждали. А где Голубничий и Гаврилова? У больного?

– Точно, Иван Петрович. Оба там сейчас. Это только я никак не решусь подняться. А ведь Лешеньку кормить пора, с вечера ничего ему не давала. Или?..

– Что или? – не сообразил Померанцев.

– Я вот что подумала, Иван Петрович. Раз он глаза открывает, то и глотать теперь сам сможет? Не надо будет через трубочку-то...

– Да, да, конечно. Но это не сразу. Мышцы все пока атрофированы, так что через трубочку придется, как и раньше. Какое-то время должно пройти, пока так кормить будем. Ладно, Анна Мефодьевна, я тоже поднимусь в палату. А вы чаю попейте, что ли, надо вам приходиться в себя.

Померанцев дружески улыбнулся Аннушке, поплотнее прикрыл дверь кабинета дежурного врача и, бросив взгляд на пустой коридор, быстрым шагом устремился к лестнице, а там и вовсе дал себе волю и легко, словно юноша, преодолел подъем на четвертый этаж.

Дверь в сорок пятую палату была распахнута во всю ширину, из нее в полутемный коридор, где горели через одну лампочки дежурного освещения, мягко лился дневной свет. Голубничий и Гаврилова сидели на стульях около кровати и, услышав шаги Померанцева, одновременно обернулись к двери, вскочили и заговорили дуэтом:

– Иван Петрович, здравствуйте! Мы вас так ждем!

– Здравствуйте, здравствуйте, друзья мои! – приветливо и успокоительно помахал рукой Померанцев. – Ну, чем порадуете старика? Как наш большой? Небось отжимание от пола уже делает?

Померанцев ощутил, как от его шутки молодым коллегам сделалось гораздо спокойнее.

– Иван Петрович, как хорошо, что вы здесь! – облегченно выдохнула Лена Гаврилова. – Доброе утро!

– Доброе, доброе, – задумчиво ответил Померанцев, устремляя взгляд на лицо лежащего на больничной койке пациента.

«Глаза закрыты, все как всегда», – отметил про себя Иван Петрович и спросил:

– Пока я ехал, он размыкал веки еще раз? Какой сейчас пульс? Попытка пошевелиться, заговорить была?

Гаврилова оглянулась на Голубничего. Лицо Виктора возвещало граду и миру лишь о навалившейся на него усталости. Видимо, решив, что от коллеги сейчас мало проку, Елена принялась рассказывать сама:

– Иван Петрович, пульс, честно говоря, я ему не мерила. Виктор до этого насчитал около сорока ударов. Глаза Кар-пунцов открывал еще раз. Причем зрачки у него бегали по стенам, по потолку, потом... по мне, по моему лицу, – смутилась Гаврилова.

– Ну это как раз неудивительно! – решил подбодрить коллегу Померанцев. – Молодая женщина, да еще такая привлекательная! Представляете, открыть глаза через шестнадцать лет с гаком и сразу увидеть такую красоту! Вы же первая женщина, которую он увидел!

– Вторая, – подал голос Виктор, – первой Анна Мефодьевна была.

– Ну, Анну Мефодьевну наш подопечный от эйфории пробуждения мог и не заметить. Ладно, друзья, давайте теперь серьезно. – Померанцев присел на краешек кровати и нащупал пульс пациента. – Сорок четыре. А было тридцать семь. Чуть больше стало. Главное, нет возврата к прежним значениям. Значит, процесс стал необратимым. Он действительно просыпается. Нужно постоянное наблюдение. У Анны Мефодьевны дежурство закончилось?

– Нет, ее же ночью не было. Утром пришла и сразу отправилась кормить Сорок пятого... Ой, простите, сорвалось с языка, – смутился Голубничий.

– Да уж, Виктор, отвыкайте от этой вашей терминологии. Еще, не дай Бог, сорвется с языка сие прозвище при пациенте, совсем нехорошо получится. Запоминайте: Алексей, Кар-пунцов Алексей Васильевич. Но думаю, можно будет без отчества.

– Иван Петрович, – Лена Гаврилова задумчиво покусывала губы, – а почему без отчества? Ему же за сорок. И стареть сейчас быстро начнет, свой возраст догонять. Какая жалость! Такой молодой сейчас!

– Да, будет стареть, – Померанцеву тоже стало грустно на душе от неизбежности того, что должно произойти, – попробуем замедлить этот процесс, насколько сможем. Виктор, спуститесь и позовите Анну Мефодьевну. Раз она только пришла, пусть здесь побудет. И покормить пациента пора. В течение дня я решу вопрос с постоянным дежурством, график для медсестер составлю. Виктор, а вы потом сразу домой отправляйтесь, отдыхайте.

– Да я... – начал было возражать Голубничий, но был остановлен жестом Померанцева:

– Все знаю, что вы мне сейчас скажете. И что не устали совсем, и что такое раз в жизни бывает. Но по вашему лицу насчет усталости видно другое, – Иван Петрович старательно подбирая слова, чтобы ненароком никак не задеть чувства молодого коллеги, – и это как раз нормально. Во-первых, сутки позади. А во-вторых, события эти эмоциональную усталость при-

несли. Так что не спорьте со мной, а отправляйтесь отдыхать! Если вдруг что-то срочное, я вам домой позвоню. Или Лена сообщит. У вас до сих пор сотового нет? Не обзавелись?

– Да как-то еще не получилось, – засмутился Голубничий. – Мы хотели на природу сегодня или завтра выбраться. Завтра, скорее всего. Сегодня отосплюсь немного, да и День Победы отметить собирались.

– Это святое, – одобрил Померанцев. – Я вас только в крайнем случае побеспокою. У нас завтра кто дежурит? Старыгин или Кошелева?

– Жанна Кошелева завтра, она меня меняет, – уточнила Гаврилова.

– Всё, друзья-товарищи, давайте действовать. Виктор, вы Анне Мефодьевне мою просьбу передайте и сразу домой отдыхать. Мы ее здесь дождемся.

Голубничий кивнул и молча вышел из палаты, ни с кем не попрощавшись. То ли забыл от волнения, то ли собирался остаться в клинике, несмотря на настоятельную рекомендацию руководства ехать домой.

– Лена, давайте, пока Анна Мефодьевна поднимается, попробуем вот что сделать. Я начну легонько массировать кожу лица у него, в том числе вблизи век, а вы повнимательней следите и в случае чего ассистируйте мне. Нельзя допустить, чтоб Карпунцов опять в сон погрузился.

– Да-да, поняла я, – согласно мотнула головой Гаврилова. – Странно все это. Насколько я помню, в описанных случаях длительной летаргии больной сразу просыпается, может чуть ли не ходить. Говорить точно может. А тут нетипично: открыл глаза, закрыл и больше ничего.

– Во-первых, достоверно описанных случаев прискорбно мало, – ответил Померанцев, мягкими круговыми движениями массируя лицо пациента. – А во-вторых... во-вторых, вы правы. Я тоже помню, что у других выходящих из летаргического сна сразу возникает осмысленная речь и двигательная активность. Хотя, признаюсь, мне всегда такое казалось странным с учетом крайне длительного периода обездвиженности.

– Ой! – прервала главврача Елена. – У него кожа на щеках порозовела! Нет этой гнетущей белизны.

– Это реакция на массаж. – Померанцев тоже заметил порозовение, но боялся сглазить, спугнуть удачу. – Ладно, хватит пока. Не дадим мы тебе, дорогой товарищ Алексей, снова в спячку погрузиться! Хватит уже, наотдыхался, пора и честь знать!

Иван Петрович надеялся, что бодро-шутливый тон его слов тоже сыграет свою роль. Известно по описаниям, что пациенты, находясь в состоянии летаргического сна, слышат и даже запоминают слова, произносимые в их присутствии. Не все, конечно, а связанные с важными или просто яркими, эмоционально насыщенными событиями. Хотя это очень дискуссионно. Случаев крайне мало, достоверно описанных вообще кот наплакал. Но сейчас, когда появились первые явные признаки пробуждения, Карпунцов, скорее всего, слышит обращенные к нему слова. По крайней мере, в это хотелось верить.

– Наотдыхался – это вы, Иван Петрович, точно сказали, – резюмировала неслышно подошедшая к двери Анна Мефодьевна. – Сейчас я тебя, Алешенька, покормлю, а ты и просыпайся сразу. Нечего перину тут мять!

Померанцев оглянулся на медсестру и с радостью убедился, что испуг у той полностью прошел. Пожалуй, можно ее оставить наедине с Карпунцовым, пусть все манипуляции с вводом питательной смеси делает. Уж очень хорошо она с кормлением справляется, за годы движения до автоматизма доведены. Да и другие медсестры с уходом за Карпунцовым справляются неплохо.

– Давайте, Анна Мефодьевна, приступайте. Справитесь? Или помочь нужно? – Глаза главврача светились одобрением и поддержкой.

– Да нешто я не справлюсь? – проворчала старшая медсестра больше для проформы. – Разве такое водилось за мной?

– Вот и чудесно. В вас я всегда уверен. – Померанцев перевел взгляд с Анны Мефодьевны на Гаврилову. – Идемте, Елена Сергеевна, ко мне в кабинет, обсудим ситуацию.

Едва они успели спуститься на третий этаж, как сзади раздался топот шагов тяжело, с придыханием, бегущей Аннушки:

– Иван Петрович, дорогой! Он меня послал!

Померанцев в недоумении остановился, успев заметить, что выражение лица Гавриловой показывало, что и та ничего не понимает.

– Кто кого куда и зачем послал? – своим вопросом Иван Петрович затормозил на ходу Аннушку, несущуюся по коридору и готовую своей располневшей фигурой снести Померанцева с Гавриловой в придачу, окажись они на траектории ее движения.

– Как это кто? Он, Лешка этот, Карпунцов! – Аннушка раскраснелась и размахивала руками во все стороны. – Я к нему со всей душой, а он меня матом посылает! Только оклемался, и на тебе!

– Карпунцов пришел в себя, говорить начал? – Померанцев ухватил продолжавшую активно жестикулировать старшую медсестру за руку. – Так с этого и начинать надо было, Анна Мефодьевна, дорогая!

– А я и начала. Говорю же, что послал с ходу. Только я начала аппарат готовить, чтоб кормить, он глазищи раскрыл и на меня уставился: «Где я?» А потом и послал сразу... ну, туда, куда обычно посылают.

– В переводе на почти литературный русский – на фиг? – Померанцев не смог удержаться от улыбки, краешком глаза заметив, что и Гаврилова еле сдерживает смех. – Все, коллеги, идем в палату, и побыстрее!

Иван Петрович развернулся и устремился к лестнице. Распахнутые полы его халата развевались в стороны словно крылья гигантской бабочки. За ним почти вприпрыжку устремилась Лена Гаврилова, не успевавшая за широким шагом начальника. Аннушка сразу отстала и семенила где-то сзади, продолжая активно размахивать руками и возмущаться насчет нецензурно выраженного отношения больного, видимо, принятого ею исключительно на свой счет.

Добежав до остававшихся распахнутыми дверей сорок пятой палаты, Померанцев увидел следующую картину. Карпунцов катался по полу и всеми силами пытался скинуть одеяло, спутавшее ему ноги и пару раз завернувшее грудь словно в кокон.

Иван Петрович бросился к пациенту и опустился на колени:

– Алексей, не двигайтесь! Я помогу. Остановитесь, а то одеяло еще больше запутается. Мы сейчас вас поднимем. Попробуйте сесть на кровати. Если тяжело, то ложитесь...

– Вы кто? Где я? – Глаза Карпунцова были в этот момент словно у затравленного охотниками зверя.

– Все в порядке, Алексей. Вы в больнице, долго болели, но сейчас очнулись. Вот только ругаться матом не надо. Это вам не идет. И вообще никому не идет, – превентивно предупредил Иван Петрович, чувствуя, что Карпунцов очень взвинчен и снова может начать выражать свои чувства не самым изящным образом.

– Кто вы? – Пациент затих, сидя на полу и опершись спиной на стоящую рядом кровать. – Я голос ваш знаю. Слышал много раз. Где я вас слышал, где?

Померанцев подхватил Алексея под мышки и довольно легко посадил на кровать, подперев подушками. «А ловко у меня получилось. Одним движением, как перышко!» – удовлетворенно подумал он.

– Да где ты, мил человек, Ивана-то Петровича слышать мог? Ты ж спал все это время, – встряла в разговор подоспевшая Аннушка.

– Я? Спал? – перевел глаза на медсестру Алексей и расстроенно замотал головой. – А вы кто? Я ничего не помню. Перед глазами плывет... как в тумане. Где я? А мама, батя где? Маша на работе? А Сережка? Сережка в садике? Кто его заберет? Сегодня же четверг у нас?

– Суббота, – машинально ответила Гаврилова.

– Суббота? – недоуменно поднял на нее глаза Карпунцов. – А вы не обманываете? Я же помню. Четверг сегодня... Ну скажите же, что четверг...

– Да какая разница, – Померанцев решил, что сейчас лучше увести разговор в сторону от деталей, – четверг, суббота... Алексей, вы просто болели некоторое время. Вот в больнице сейчас, лечитесь, теперь уже выздоравливаете.

– Да, да, я помню. – Карпунцов усиленно начал тереть лоб ладонью.

«Странно, почему я не замечал раньше, – с удивлением подумал Иван Петрович, – за все эти шестнадцать лет мозоли на ладонях никуда не пропали. Руки тонкие стали, мышц почти не заметно, а мозоли остались». Померанцев силился вспомнить профессию пациента и не мог: «То, что Карпунцов был рабочим, – это да. Но вот каким? Станочником на заводе? Вроде нет. На стройке работал? Надо сейчас его историю болезни срочно перечитать, там и анкетные данные подшиты».

– Мама моя где? Батя? Манюся с Сережкой? – Алексей продолжал обводить взглядом всех троих, мучительно всматриваясь в лицо каждому.

– А сегодня в больнице неприятный день, – очень просто и естественно отреагировала Лена, и Померанцев, с благодарностью взглянув на нее, удивился, что такая банальная версия ответа не пришла ему самому в голову.

– Они завтра придут? Курить хочется, – с искренней, как у ребенка, надеждой в голосе спросил Алексей.

Померанцев вовремя заметил начинавший открываться рот Аннушки и запретительно покачал ей указательным пальцем. Он побоялся, что медсестра сейчас скажет Алексею про отца.

– Нет, завтра не смогут, – Иван Петрович старался говорить как можно мягче и успокоительнее, но чувствовал, что до конца у него не получается, – вы же не в Меженске сейчас, а в Светлоярске, в областной больнице. И курить в клинике запрещено, так что пока без табака поживете.

– В областной? – удивился Карпунцов. – Что со мной? Я помню, ангина была, сильная очень. Помню, водки выпил, много. А потом не помню. Только шаги, голоса вокруг разные. Мамин голос помню, вот батю хуже, Манюську тоже. Ну, брат с сестрой... но тоже смутно. Куда они все делись?

Следом Карпунцов отпустил еще одно нецензурное слово.

– Алексей, мы с вами уже договорились – без мата! – Померанцев постарался отреагировать предельно строго и сразу. – Если уж совсем немоготу было, то сказанное вполне могли заменить словом «блин». Посмотрите, женщины вокруг. Почему они должны терпеть? Вы после тяжелой болезни, на поправку сейчас пойдете. Давайте новую жизнь начинать с чистого листа, без мата.

– Ладно. Что, думаете, я не понимаю насчет мата? Сорвалось пару раз с языка, подумаешь, – буркнул Карпунцов и поперхнулся. – А чего мне так говорить тяжело? Язык еле ворочается. Сглотнул слюну... больно чего-то... Доктор, что со мной?

– Горло у вас болит? – вступила в разговор Елена Гаврилова.

– Горло? – Алексей удивленно перевел глаза с Померанцева на Лену, словно только сейчас заметил ее присутствие.

– Да, горло, – уже гораздо увереннее отреагировала доктор Гаврилова, – у вас же ангина была сильная.

– Ангина? – На лице Карпунцова появилась и застыла гримаса человека, который упорно, но малоуспешно пытается вспомнить что-то очень важное. – Да, вроде была. Она у меня часто, еще с детства. А сейчас сильная была. Я же говорю, что водки напился, чтоб отрубиться... И

отрубился, заснул, похоже. Только я дома заснул. Еще Манюся кричала, что штаны не снял, а на свежее белье завалился. Это помню, но потом провалился куда-то... в смысле, заснул...

Слушая Алексея, Иван Петрович лихорадочно пытался выстроить правильную линию разговора, но с досадой понимал, что даже его многолетнего опыта явно не хватает. В конце концов, случаев летаргического сна такой продолжительности в мире раз-два и обчелся, причем описанные имели место уже довольно давно. Померанцев дал себе зарок прямо сегодня перелистать подборки специализированных медицинских журналов, которые выписывала клиника. Хотелось верить, что найдется хоть немного полезной информации. Может, за рубежом были подобные случаи за последние годы? Тогда хоть попробовать связаться с коллегами, познакомиться с их опытом. Ну и конечно, надо с Москвой и Питером консультироваться. Прямо в понедельник. Померанцев почувствовал облегчение оттого, что цепочка первых шагов, пусть и пунктирно, но начинает вырисовываться. «Как же я так сплеховал? – свербила в его голове неприятная и неотгоняемая мысль. – Почему никакого плана действий не составил заранее? Ведь понимал же, что рано или поздно он проснется. А вот на тебе! Всегда на завтра-послезавтра откладываешь. Теперь с колес придется». Померанцеву всю жизнь хотелось чистой наукой заниматься, все остальное у него получалось с большим трудом, а сейчас, когда назначили исполняющим обязанности директора, совсем тяжело стало: характер мягкий, не для начальственной должности.

Из состояния самобичевания Померанцева вывел Карпунцов, который после паузы вновь заговорил:

– Но я же дома болел. Меня что, в больницу потом положили?

Аннушка поспешила его успокоить:

– Не нервничай ты, мил человек. Ну, положили тебя, положили. Вот вылечился уже. Ангина ж прошла? Полежал в больнице, подремонтировался, скоро домой выпишешься.

Померанцеву не понравилась последняя фраза медсестры. Она могла внушить больному ложные надежды: еще неизвестно, когда Карпунцов сможет покинуть клинику. Да и куда именно он пойдет, где теперь его дом – тоже большой вопрос. Но прерывать Аннушку Иван Петрович не стал, даже знаков рукой или глазами не подал – столь успокоительно прозвучали ее слова. Померанцев не мог пока прочертить нужную грань между горькой правдой и сладкой неправдой, и от этого снова начал злиться на себя. «А вдруг Аннушка интуитивно найдет правильный путь. У нее опыт не меньше моего, да и человеческая она очень. Другая у нас не удержалась бы столько лет. Сколько их было, медсестер и докторов, которые поразбежались. А Аннушка, считай, всю жизнь проработала и никуда не ушла», – успокаивал себя Иван Петрович.

– А где все мои? Почему их в больнице нету? Они ко мне не ходят? – не унимался Карпунцов, уставившись в глаза Померанцеву. – А знаете, доктор, я их голоса слышал. Часто слышал. Не видел, а вроде они рядом были. Но только давно. А почему давно? Что случилось? Они перестали ходить ко мне? Почему, доктор? Сколько я здесь?

– Алексей, – Померанцев поймал себя на мысли, что воспринимает Карпунцова как молодого человека, даже называет по имени, без отчества, а ведь тому уже за сороковник, – давайте обо всем потом. Полежали вы у нас определенное время, не без этого, зато на поправку сейчас идете. Вы мне вот что скажите: глотать можете? Мы вас, пока без сознания были, через трубочку кормили. А сейчас как? Пища протертая будет. Попробуем позавтракать?

Карпунцов еле заметно мотнул головой в знак согласия. «Ну что ж, какое-то время мне удалось выиграть, пока Аннушка его накормит, но сейчас срочно надо стратегию и тактику выстраивать», – подумал Иван Петрович и произнес уже вслух:

– Вот и чудесно! Анна Мефодьевна вам завтрак организует. Если больно глотать будет или не получится что-то, то не переживайте: мы и через трубочку можем. Голодным вас не оставим! А я ненадолго к себе в кабинет схожу, есть неотложные дела, а потом продолжим.

Померанцев ободряюще улыбнулся Карпунцову и пошел к лестнице, жестом остановив Гаврилову, направившуюся было за ним следом.

«За что теперь хвататься в первую очередь? В Москву звонить или понедельника дожждаться? Или в Питер сначала? С одной стороны, это вообще событие для медицины в мировом масштабе. А с другой, три праздничных дня, все на дачах, наверное. Кого я сейчас найду? – В поисках выхода из положения Иван Петрович дошел до своего кабинета и плюхнулся в собственное кресло. – И так хреново, и так. Надо что-то средненькое придумать. А если отправить и в Москву, и в Питер официальные телефонограммы? Пожалуй, это идея. И проинформируем сразу, никаких разборок да еще с оргвыводами не будет. И никого из больших людей не потревожим, пусть на своих дачах сидят. Да что там на дачах – небось на Кипр какой-нибудь рванули. Еще со СМИ надо что-то делать. Сейчас узнают – сбегутся, этим только дай повод».

От осознания, что первую проблему удалось решить быстро и безболезненно, у Померанцева повысилось настроение. Вот только вторая проблема гораздо более тяжелая будет – родственники. Надо их информировать. Кого в первую очередь? Семейную ситуацию пациента Карпунцова доктор Померанцев знал, и знал неплохо. Как-никак единственный такой больной в клинике. Да что там в клинике – во всей России.

Померанцев снял трубку селектора и нажал клавишу «Регистратура».

– Доброе утро, Иван Петрович! Слушаю вас.

– Доброе утро! Майя, вы? – уточнил Померанцев.

– Да, Иван Петрович, сегодня я дежурю.

– Майя, тут вот какое дело, – немножко замялся главврач. – У нас большая новость. Пациент Карпунцов проснулся...

– Сорок пятый проснулся??? – удивлению Майи не было предела.

«В будний день новость разлетелась бы как молния, – подумал Померанцев, – а тут до соседнего корпуса еще не дошла. Может, это и хорошо, что он в праздники проснулся. Меньше ажиотажа».

– Да, сложно поверить, я вас понимаю. – Иван Петрович старался говорить ровным, спокойным, даже будничным голосом. – У меня к вам будут две просьбы. Принесите мне папку Карпунцова.

– Историю болезни или всё? – уточнила Майя.

– Мне сейчас прежде всего нужны координаты его родственников. У нас же отмечается, кто и когда у него был? Мать, насколько я помню, уже давно не приезжала. А вот сестра в начале весны была?

– Сейчас в компьютере посмотрю... Иван Петрович, она в конце февраля была... Ой, нет, не в тот месяц запись внесли. Короче, 1 марта. Это суббота была.

– Майя, принесите мне координаты сестры, матери. Брат же еще есть, тоже давайте. И жена бывшая.

– Бывшей жены, по-моему, телефона никакого нет. Брата что-то должно быть. Сейчас принесу. Вы у себя будете?

– Да, да, жду. И еще у меня к вам будет просьба. Надо телефонограммы отправить, а Лины, понятное дело, сегодня нет. Поможете?

– Попробую, – не очень уверенно отреагировала Майя. – Только куда звонить – мне номера нужны будут, они же у Лины в компьютере. И чего сказать?

– Текст я сейчас напишу. И номера тоже дам. Давайте поищите координаты родственников и приходите.

Едва Померанцев положил трубку селектора в отведенное ей гнездо, в полуоткрытую дверь протиснулась голова Лены Гавриловой. Ее волосы выбивались из-под шапочки во все стороны, лицо покраснелось.

– Елена Сергеевна, вы что, нормы ГТО по бегу сдаете? – Померанцев попытался шуткой приободрить Гаврилову.

– Что? – не поняла та. – Какое еще ГТО?

– Эх, молодо-зелено! – Главврач продолжал говорить в полушутливом тоне. – Комплекс был такой физкультурный в советское время. Все сдавали: от школьников и до пенсионеров.

– Иван Петрович, – Лена вошла в кабинет и присела на крайний к двери стул около стола для заседаний, – что делать-то будем? Он все какую-то Манюську просит. Да не просит, просто требует. Еще Сережку, кто это – не знаю. Сын, что ли, у него есть? Да, и мать с отцом постоянно вспоминает. Иван Петрович, что отвечать?

– Лена, Манюська – это Мария, его бывшая жена. Она развелась с Карпунцовым давно. Поняла, что прогноз на скорый выход из летаргии неутешительный, и ушла к другому вместе с сынишкой, с Сережкой. Он уже взрослый парень должен сейчас быть. Про мать с отцом ничего нового не скажу.

– А делать что будем? – продолжала настойчиво спрашивать Гаврилова. – Сестру надо вызывать. Она в последнее время одна ходила, хоть и нечасто.

– Сейчас Майя Одинцова мне принесет все координаты родственников, которые у нас есть. Начну звонить. В первую очередь сестре, согласен с вами. Брат еще есть.

– Брат? – удивленно переспросила Гаврилова. – Ах да, он упоминал про брата.

– Да, старший. Давно не был. Вы у нас сколько работаете?

– Четыре года скоро будет.

– Ну вот, а он, значит, дольше не приезжал, раз вы о нем не знаете.

На столе тревожно стал подавать звуки селектор. «И чего он подвывает словно волк? – раздосадовано подумал Померанцев. – Сейчас еще беду какую-нибудь накличет».

– Иван Петрович, дорогой, – снятая трубка задребезжала голосом Аннушки, – скорее сюда! Наш-то попробовал встать и свалился возле кровати. Ползает, а я поднять не могу. Одна нога у него под кровать попала, глубоко!

– Час от часу не легче! Санитаров вызывайте, если еще не вызвали! Я иду. – Иван Петрович рывком поднялся со своего кресла, на ходу отправив отточенным движением телефонную трубку в ее родное гнездо на панели селектора. – Пошли, Елена Сергеевна. А, нет, лучше вы тут пока побудьте, в то сейчас Майя координаты принесет.

– И что мне с ними делать?

– А ничего пока. Возьмите и меня дождитесь. Да, вот еще что. Составьте проект телефонogramмы в Москву и в Питер о выходе из летаргии. Я вернусь – посмотрю.

Раздав Гавриловой распоряжения, главврач быстрым шагом устремился к лестнице. Уже за пару метров до двери сорок пятой палаты были слышны звуки возни и голос Анны Мефодьевны:

– Лешенька, мил человек, да ты на бок повернись, а то никак ногу твою не вытащу. И руками помогай мне! Ой, ручки какие у тебя слабые. Не напрягай их сильно – не дай Бог, сломаешь с непривычки.

Вбежав в палату, Иван Петрович мягко, но решительно отодвинул руки Аннушки в сторону, развернул ногу Карпунцова на девяносто градусов, ловко извлек ее из-под кровати и быстрым движением рук, будто штангист, поднял Алексея за плечи и усадил на кровать.

Лицо пациента показалось Ивану Петровичу бледнее, чем было, а посередине лба явственно обозначилась довольно заметная морщина. «Неужели он уже стареть начал? – с жалостью и болью подумал Померанцев, но сам себя одернул: – Да нет, не может быть, чтоб так быстро! Он же только проснулся».

Карпунцов обессиленно опрокинулся спиной на подушку. Из краешка глаза у него показалась слеза, которая, немного постояв будто на распутье, покатилась по неестественно бледной щеке.

– Что же я теперь... никогда ходить не буду? А, доктор? – Голос Карпунцова был тих и наполнен отчаянием.

– Встанете и ходить будете, даже бегать! – как можно более уверенно провозгласил Померанцев и повернулся к Аннушке: – Где санитары? Я же просил их вызвать.

– Иван Петрович, тут такое дело... Я звонила, но они чего-то не ответили, – заморгала глазами старшая медсестра, – может, вышли куда.

– Слушайте, так дело не пойдет. Куда вы им звонили? В дежурку? У них радиотелефоны должны постоянно быть с собой. А где ваш, кстати?

– Иван Петрович, вы только не сердайте. Я его у себя оставила. Неудобно с ним: здоровый такой, из кармана вываливается. Сколько раз уже падал, – оправдывалась Аннушка.

– Все, достаточно, – взмахом руки Померанцев дал понять, что дальнейшая дискуссия неуместна, – будем подтягивать дисциплину.

«А ведь я тоже хорош, – с раздражением подумал Иван Петрович, – от других требую, а сам радиотелефон не ношу. Правда, у меня сотовый. Но у других-то сотовых нет, они с неприщички мне и не звонят. Вон Голубничий, вроде современный молодой человек, ведь мог позвонить сам, так нет – через Иру принялся меня разыскивать. Никудышный из меня руководитель, не могу дисциплины добиться. Недаром Ира меня мягкотелым называет».

– Так что с санитарями? – вновь задал вопрос главврач, но уже в примирительном тоне.

– Сейчас придут, – поспешила его заверить Аннушка, – я до Маечки дозвонилась, до Одинцовой, и попросила их разыскать. Они ж по соседству там сидят. Она мне, правда, заявила, что вы срочное поручение дали, но я сказала, что это тоже от вас поручение и более срочное.

– Понятно. Придут санитары – надо сделать так, чтобы один из них здесь, в палате, был или рядом. График составьте для них. А вы завтрак уже закончили?

– Да нет, Иван Петрович, только я хотела начать, как все это произошло.

Померанцев кивнул Аннушке и обратился к Карпунцову:

– Вот что, Алексей Васильевич, насчет голодовки мы с вами не договаривались. А потому присядьте на кровати, Анна Мефодьевна сейчас подушки вам поправит, и приступайте к завтраку. Что и как делать – Анна Мефодьевна покажет. Ваша задача слушаться ее и выполнять.

– Доктор, я к своим хочу, домой! Когда мои придут? – Карпунцов попытался вытянуть руки над головой, но они мгновенно задрожали.

– Это вы хотите, чтобы ваши родные своими глазами наблюдали, как вы около кровати ползаете и ногу высвободить не можете? Хороша картинка, нечего сказать!

Бледные щеки Карпунцова порозовели. Померанцев с удовлетворением отметил факт прилива крови и продолжил, стараясь сохранять свой голос сердитым:

– Вот что, договариваемся следующим образом. Вы делаете только то, что мы вам разрешим. Постепенно будете тренироваться и вставать, и ходить по палате. А потом можно уже родственникам на глаза показываться. Договорились?

Пациент неопределенно замотал головой и прохрипел что-то нечленораздельное. «Связки голосовые, похоже, с неприщички не выдерживают. А с внутренними органами теперь что будет? Надо консилиум проводить. Откуда врачей приглашать? Из облбольницы? Хорошо бы из столицы. А на основании чего? Это же бюджетные средства. Чуть не так потратил, сразу из прокуратуры явятся. – Иван Петрович ощутил, как на него катится целый груз проблем, которые непонятно каким образом решать. – Надо сразу с утра в понедельник идти в облздрав, пусть с министерством связываются. Это же уникальный случай, на всю страну, тут федеральная помощь нужна».

На пороге появились запыхавшиеся санитары. Увидев главврача, который к тому же в настоящее время был и. о. директора, они начали топтаться на месте и рассматривать носки своих ботинок.

– Не прошло и получаса, как наши ударники появились, – не предвещающим ничего хорошего тоном начал раздраженный Померанцев. – Почему без радиотелефонов по территории центра разгуливаете? Ведь приказ еще Никитин издавал, а я его не отменял.

– Иван Петрович, мы... это... так получилось, – словно школьники младших классов, поставленные в угол, заговорили разом оба санитара, – простите, мы сейчас сходим за телефонами.

– Один! – не терпящим возражений тоном перебил главврач словоизлияния подчиненных. – Один идет за телефонами, второй остается здесь и начинает беспрекословно выполнять все указания Анны Мефодьевны. О дальнейшем она сама расскажет. Ясно?

– Ясно, – довольно закивали оба санитары головами и, только сейчас заметив открытые глаза идвигающиеся по одеялу руки Карпунцова, аж присели от неожиданности. – Ой, а что это?!

Иван Петрович скользнул взглядом по их удивленным лицам, махнул рукой и отправился к себе в кабинет.

Там уже сидела Майя, с полуоткрытым ртом уставившаяся на Лену Гаврилову и перемежающая шепот последней отрывочными репликами: «Ой, да что ты говоришь!.. Надо же!.. А Сорок пятый что?.. А дальше-то как будет?..»

Обе собеседницы, увидев вошедшего Померанцева, замолкли на полуслове. Одинцова вскочила и начала расправлять складку на медицинском халате:

– Иван Петрович, я принесла вам из регистрационного дела Карпунцова данные о родственниках. Они у вас на столе.

– А я текст телефонограммы составила, – подхватила Гаврилова и протянула листочек с несколькими строчками. – Вот возьмите, пожалуйста.

Забрав на ходу из рук Елены проект телефонограммы, Померанцев прошел к своему столу, с шумом придвинул кресло и уселся. В течение нескольких минут он правил текст, потом поднялся и подошел к Одинцовой и Гавриловой, молча сидевшим с краешка стола для заседаний:

– Майя, телефонограмму надо отправить в Москву, в Институт психиатрии, и в Питер, в Бехтеревский центр. И давайте еще продублируем факсом. Перепечатайте, пожалуйста, на нашем бланке и принесите – я подпишу.

– Можно еще по электронной почте, – предложила Одинцова.

– По электронной? – с сомнением закусил губу Померанцев, предпочитавший более привычные ему виды коммуникаций. – Ладно, можно еще и по электронной почте, но только сначала телефонограмму и факс.

– Хорошо, – ответила Майя и вышла из кабинета.

– Иван Петрович, как там Сорок пятый... простите, Карпунцов? – после ухода Одинцовой спросила Елена. – Может, мне сейчас подняться?

– Пытался встать, а ноги не держат совсем, одна под кровать попала, да еще под углом, сразу и не вытащишь. И Анна Мефодьевна растерялась немножко: не каждый день у нас пациенты из летаргического сна выходят. Карпунцов сейчас на кровати лежит, санитары там теперь будут по очереди дежурить. Вы тоже подойдите, посмотрите, что и как.

Гаврилова кивнула головой, поднялась и вышла из кабинета, аккуратно прикрыв за собой дверь. Иван Петрович вернулся за свой стол, придвинул подготовленный Майей список родственников и принялся его изучать: «У матери нет домашнего телефона. Брат... он же в Подмоскowie где-то живет... да, точно, Московская область, город Подольск. Начинаем с сестры, как я и собирался».

Померанцев снял трубку городского телефона и, ощущая нервное покалывание в кончиках пальцев, начал набирать домашний номер Людмилы Васильевны Мелешкиной.

Глава 3

Людмила сидела за столом, без особого аппетита поедая бутерброд с докторской колбасой, и распекала мужа:

– Ты когда себе нормальную работу найдешь? Сколько лет прошло как из армии уволился. Пять уже, скоро шесть будет! А ты все как не пришей кобыле хвост! За комок продуктовый брался? Брался. Результат ноль и вообще убытки! Дальше что? Если собрался со мной в паре работать, то впрягайся не раз от разу, а по-серьезному начинай. Я понимаю, что не хочется быть риелтором. Думаешь, мне шибко хочется? Зато деньги более-менее приличные перепдают. Надо, чтобы Машка в институте доучилась. Это я свою жизнь без высшего образования прожила, так и черт с ним, на кладбище и без диплома примут.

– Типун тебе на язык, – еле смог вставить несколько слов сидящий напротив Людмилы коротко стриженный мужчина с обветренной, повидавшей за свою жизнь много солнца кожей.

– Вот только и знаешь: типун да типун. Больше и сказать нечего, – не унималась Людмила. – Не молоденькая уже, считай, полтинник за спиной, осталось всего ничего. Это ты все хорохоришься, на молоденьких на улице заглядываешься. Думаешь, я не вижу?

Переведя дух и шумно отхлебнув из большой чашки несколько глотков кофе, она продолжила извергать поток слов:

– Ладно, черт с тобой. Сейчас о Машке разговор. Я не выучилась, ты, считай, тоже. Подумаешь, военное училище закончил. Это и не образование вовсе – я так считаю!

– Раньше ты по-другому считала, – возразил выпускник военного училища.

– Раньше дура молодая была, когда за тебя замуж выскочила. Красивый, статный, в военной форме. А дальше-то что? По гарнизонам мыкались. Другие академии всякие по-заканчивали, а ты? Как был не способен нормальное место себе пробить, так и остался. Хорошо хоть в родные места вовремя удалось вернуться из этой Средней Азии. Сам видел по телику, как там теперь стали к русским относиться...

Звонок телефона прервал Людмилу на полуслове. Что-то тревожное почудилось ей в привычной трели аппарата. А от любых невзгод она привыкла прятаться за широкой и надежной спиной мужа, который, конечно, и мямля, когда надо что-то для семьи выбить, даром что до майора дослужился, но все-таки свой, родной, надежный, защитит и спасет от всего на свете.

– Артем, сходи, послушай, кто там, – уже мягким голосом попросила Людмила.

– Да наверняка клиентка твоя сегодняшняя. Небось опять ей неудобно квартиру показать. Что за люди такие? Я так считаю: раз договорились на определенное время, то нечего переносить. – Артем вышел из кухни в прихожую и снял трубку. – Алло, слушаю.

Не успела Людмила отхлебнуть еще один глоток кофе, как услышала звук опускаемой на тумбочку телефонной трубки и голос мужа:

– Иди, это тебя.

– Кто там? Клиентка? Чего она на домашний звонит? Я что, зазя сотовый завела?

– Нет, не клиентка, – пробурчал вернувшийся за стол муж. – Там этот, как его... ну, главный из клиники, где Алексей...

– Случилось что? Я же недавно туда ездила. Помнишь? Пару месяцев назад.

– Не знаю, мне ничего не сказал. Требуется лично Людмилу Васильевну.

– Небось хочет, чтобы я снова исследование прошла. Вечно они боятся, что я или Витька тоже заснем.

– Типун тебе на язык, – снова повторил Артем.

– Достал ты меня сегодня со своим типуном. Талдычишь одно и то же. Толку от этих исследований что кот наплакал, лишь бы галочку поставить. Ну, заснул Лешка... сами же говорят, что случай уникальный. Почему мы с Витькой тоже должны засыпать? Витьке хорошо, не

здесь живет, а меня уже затаскали по психиатрам этим. Сейчас хоть реже стали напоминать. – Людмила дошла до телефона, перевела дух и наигранно приветливым голосом заговорила в трубку: – У аппарата. Слушаю вас.

– Людмила Васильевна, это Померанцев Иван Петрович, – голос в телефоне был явно взволнованный, – извините, что в праздники беспокою. Кстати, со всеми прошедшими вас.

– И вас также, – любезно ответила Людмила и осторожно спросила: – Я же недавно в клинике была. Случилось что? С Лешей?

– Случилось, – скомканно произнес Померанцев.

Людмила не смогла в этом единственном слове уловить никаких оттенков в голосе врача, а потому, как водится, предположила самое страшное:

– Он... Лешка умер?

– Да что вы, Людмила Васильевна! Как вам такое в голову могло прийти! Алексей... он просто проснулся.

У Людмилы перед глазами поплыли цветные круги, и она почувствовала, как медленно на ставших ватными ногах оседает на пол. Где-то рядом с ухом прозвучал удар выпавшей из рук телефонной трубки о стену.

– Люда, что с тобой?! – Голос в мгновение ока оказавшегося рядом мужа был пронизан тревогой, а его сильные руки мягко и бережно подняли Людмилу с пола.

– Там... там это... Лешка проснулся, – тихо пролепетала она, глядя широко раскрытыми глазами в лицо мужу.

Артем под руки довел Людмилу до дивана, усадил ее, предложил воды, от которой она жестом отказалась, и вернулся в коридор, где из продолжающей раскачиваться и ударяться о стену телефонной трубки неслись звуки мужского голоса.

Людмила, у которой первый шок стал проходить, слышала, как Артем говорил своему собеседнику:

– Вы извините, но Людмила Васильевна не может сейчас говорить... Подействовало на нее очень... Нет, нет, не беспокойтесь, ничего страшного, ей уже лучше... У Анны Никаноровны нет телефона... У соседей? Там есть, но уж больно новость-то... Лучше ехать... Виктор, да, в Подольске живет, в Подмоскowie... Да, да, у него такой телефон... Можем ли мы сами ему позвонить?... Да, давайте мы Виктору сообщим... Людмиле сегодня на работу... Ну и что, что выходной. У нее определенных выходных не бывает, она же риелтором работает... Мы сейчас отдохшимся немного и перезвоним вам, хорошо?... Да, в течение дня.

Артем подошел к дивану:

– Людочка, как ты?

– Да я уже лучше. А так как обухом по голове. Знаешь, я с годами перестала верить, что Лешка проснется. Думала, прости меня, Господи, что навсегда это, до самой смерти. – Людмила перекрестилась.

– Делать-то что будем? Главврач этот, забыл, как его зовут...

– Иван Петрович.

– Вот-вот, Иван Петрович просит, чтобы ты приехала. Говорит, что Лешка как проснулся, так про всех начал спрашивать: про родителей, про Машу, про Сережку, про тебя с Виктором.

– И что, что они Лешке ответили?

– Ну, говорит, сказали, что день неприятный, ангина тяжелая была, потому ослаб очень, да и матери далеко ехать из Меженска, про отца решили вообще ничего пока не говорить, про Машу тем более. Ах да, еще этот Иван Петрович сказал, что Алексею они объяснили так: мол, сначала надо окрепнуть, ходить научиться, а потом уже родственникам показываться, чтоб никого не расстроить. Говорит – вроде это подействовало.

– Знаешь, Темочка, у меня в голове все набекрень. Сколько мы слез выплакали, ты же знаешь, мама в церковь ходила, земные поклоны клала годами, пока силы были. Наверное,

там отметинка на полу от ее лба осталась, в церкви-то. К чему это я? Ах да, вот сейчас он проснулся. Радоваться надо бы, а мне страшно чего-то. Как жить он теперь будет? Батя умер, мама, считай, старушка, жену другой увел, сын тоже теперь не его.

– И жизни нашей он совсем не знает, – добавил Артем. – Он же при Союзе заснул. Каково ему теперь будет?

– Ой, и это тоже! – всплеснула руками Людмила. – Я и не подумала даже, а ведь верно. Лешка словно из другой жизни, не представляю, как он вообще тут сможет. И помнишь, мы же в журнале читали, да и врачи об этом говорили и Витьке, и мне... что вот он совсем молодой, не стареет, а как проснется, так свой возраст быстро нагонит. Каково это: сразу состариться, а жизнь не прожить, словно ее черти языком слизнули.

– Делать-то что будем? – Артем заглянул в глаза жене.

– Ты меня спрашиваешь? Не знаю я. Ну придумай, пожалуйста, Темочка, ты же умеешь, ты всегда выход находил. – Людмила продолжавшей дрожать ладонью нежно провела по щеке мужа.

– Может, мне одному для начала в больницу съездить? Но так тоже плохо. Лешка спросит, где ты. Как бы хуже не стало. Но ты ведь сегодня не в состоянии туда поехать?

– Не в состоянии, боюсь я страшно, – замахала головой Людмила. – Знаешь что, надо звонить этому Ивану Петровичу, может, он что подскажет. Сейчас вот посижу еще чуток и позвоню.

Людмила прислонилась к спинке дивана и прикрыла глаза. Но перевести дух ей не удалось. Откуда-то со стола требовательно и противно запищал сотовый телефон. Не хотелось ни вставать, ни идти куда-либо, ни тем более с кем-то разговаривать. Но звук телефона не стихал, напротив, увеличивал громкость. «А вдруг это из больницы? – подумала Мелешкина. – Хотя нет, они же на домашний звонили, у них, чай, и номера моего сотового нет. А вдруг есть?»

– Тёма, принеси мне телефон, – попросила она мужа.

– Слушай, это, наверное, клиентка твоя звонит, – сообщил Артем, поднося жене телефон и разглядывая высветившуюся на его небольшом экранчике надпись.

Людмила тоже посмотрела, едва сотовый оказался в ее руках. Надпись гласила: «Марианна покуп. 2-ка».

– О Господи, только ее мне сегодня не хватало! – в сердцах произнесла Мелешкина. – Тёма, ответь ей. Скажи, что я заболела, уехала куда-нибудь. Придумай.

Артем взял в руки упорно продолжавший пищать телефон и неуверенным движением протянул его назад жене:

– Люда, а может, ты сама? Или... знаешь что? Она же себе другого риелтора найдет и тебе ни черта не заплатит. Там ведь почти на мази дело, ты сама говорила.

– Ну что ты заталдычил? На мази да на мази! Взял бы да поехал с ней сегодня. – Людмила понимала, что по большому счету муж прав.

В конце концов, никакой трагедии не произошло. Наоборот, Лешка проснулся, радоваться надо. А поездка с Марианной даст время прийти в себя.

– Давай телефон сюда! – Людмила взяла из рук мужа сотовый, нажала на кнопку и заговорила настолько приветливым голосом, на который сейчас только и была способна: – Марианна, это вы?... Да, извините, телефон из косметички не вынула, а он там зацепился за что-то... Да, да, все по-прежнему, конечно, едем... Нас там ждут в двенадцать ровно... Давайте прямо у дома встретимся. Чкалова, 43а, во дворе немного... У подъезда... Хорошо, договорились.

– Сама поедешь? Или тебя отвезти? – Глаза мужа внимательно и ласково смотрели прямо на Людмилу, от чего ей стало теплее на душе.

– Отвезти, Тёма, отвезти. Я сама и не доеду. Посмотри, как у меня пальцы дрожат. – Людмила вытянула вперед руки.

– На Чкалова куда надо ехать? В район театра? – переспросил муж.

Людмила кивнула головой и прикрыла глаза. Хотелось погрузиться в сон. «Ой, что это я? – Чувство страха обожгло своим прикосновением, словно ядовитая медуза в море. – А вдруг я засну, как Лешка? Тьфу-тьфу, не сглазить бы! Как они без меня будут: Машка без матери и Артем в быту не приспособленный. Что он может? Картошку почистить? Так этому в военном училище научили. Гвоздь в стенку вбить? Тоже невелика заслуга. Пропадут они без меня».

Страх при погружении в сон раньше приходил часто. В первые годы после того, как это случилось с Лешкой, Людмила порой вскакивала с постели или рывком садилась, отбросив одеяло. Всякий раз приходил на помощь Артем: верный, надежный, родной. Людмила ощущала ласковые прикосновения его сильных рук и вопреки страху засыпала в надежных объятиях. А утром просыпалась, давая себе зарок больше не бояться.

Хуже бывало, когда мужа не оказывалось дома. А случалось такое частенько – служба есть служба. Тогда Людмила мерила шагами комнату из угла в угол, присаживалась около маленькой дочки и начинала бояться уже за нее, наблюдая, как та мирно посапывает и улыбается пришедшим ласковым детским сном. Страх за Машу, за то, что она не проснется, перебивал все на свете. О себе уже и не думалось. Машу они с Тёмой так долго ждали, родила ее Людмила поздно, сначала не выходило с ребеночком. Знакомые говорили, что надо врачу хорошему вместе с мужем показаться. А где его возьмешь в дальнем гарнизоне? Но, видимо, внял кто-то там, наверху, Людмилиным мольбам, подарил им с Тёмой девочку. В конце концов Людмила засыпала просто от усталости, укрывавшей страх словно одеялом.

С годами боязнь начала уходить в сторону. Липкий пронизывающий страх появлялся теперь редко, разве только когда перенервничалась или заболела. Да и уверенность пришла к Людмиле. В конце концов, не зря говорят, что бомба дважды в одну воронку не падает.

– Люда, ты чего, дремлешь? – Голос мужа прервал воспоминания о страхе. – Когда ехать-то? Ты еще и колбасу не доела. Кофе холодный. Может, горячего налить?

– Да не хочется мне теперь. А вот кофе налей горяченького, встрепенуться надо.

– Сейчас принесу, – с готовностью ответил Артем. – А поедем когда?

– Сколько туда доехать? Полчаса? – Людмила увидела, как муж кивнул головой, и продолжила, посмотрев на часы: – Ну, тогда давай в четверть двенадцатого, чтобы не опаздывать. Короче, время еще есть.

Людмила прикрыла глаза. В памяти явственно возник пропитанный болью и отчаянием голос отца. Ноябрь. Но это не здешний ноябрь, а южный. Хорошее время: изнуряющая летняя жара отпустила, сбежав куда-то до следующей весны. Градусов 16 на улице, сухо. Разок, может, и покрапает дождик, не без этого, но все же вокруг пустыня. Едва только зазвонил телефон в их обставленной казенной мебелью с постоянно попадающимися на глаза инвентарными номерами комнате, Людмила почувствовала неладное. Внешне ничего не предвещало беду, а вот в душу страх непостижимым образом проник заранее.

За давностью лет Людмила сейчас и не помнила тембра телефонного звонка. Да и какой там тембр – звонил как и все другие аппараты в офицерском семейном общежитии. Он, собственно, и нужен был только для одной цели – вызывать мужей в часть по тревоге.

Тёмы дома не было, на службе находился. А она, покормив Машутку обедом, перепечатывала на пишущей машинке заказанный кем-то текст. Да и чем еще заняться офицерской жене: работы постоянной нет не то что по специальности, а вообще никакой. Хорошо, если изредка заказы на перепечатку появляются.

В тот раз текст был несложный, почерк разборчивый, работалось легко и даже с удовольствием. И тут этот звонок, тревожный, заставивший вздрогнуть. Подумалось: «Неужели беда с Тёмой?» Всякие кошмары пронеслись в голове: то Артем накрывает собой гранату с выдернутой чекой, то танк на него наезжает, а он заслоняет собой солдатику. Мало ли какие случаи бывают в армии. Людмила, как будто это было вчера, а не много лет назад, вновь ощутила переставший подчиняться язык во рту и с трудом выдавленные им слова: «Что с Артемом? Гово-

рите же!» А в ответ дежурный будничным голосом сообщил, что, мол, Людмила Васильевна, у вашего мужа все в порядке, а вот хочет с вами пообщаться отец ваш, Карпунцов Василий Иванович. Аж из самого города Меженска, расположение которого дежурный, похоже, не знал, но вот название выговаривал с видимым удовольствием. И будет Василий Иванович Карпунцов на переговорном пункте через два часа, точнее, через час и пятьдесят минут, а потому ей, Людмиле Васильевне, надлежит прибыть на КПП, где уже заготовлен пропуск, и далее к нему, дежурному, для организации сеанса междугородней связи.

Людмила почти не вслушивалась в слова говорившего, произносимые им строго в уставных выражениях, а только пыталась отогнать тревожные мысли и не могла это сделать. Почему отец ее вызывает? Что там произошло? Когда эти бесконечно длинные час и еще целых пятьдесят минут наконец прошли, оказалось, что предчувствие ее не обмануло.

– У нас что-то случилось, папка?! – Людмиле тогда показалось, что успеет она задать такой вопрос до того, как отец начнет говорить, то беда испугается и шарахнется куда-нибудь в сторону, сбежит подальше.

Не испугалась, не шарахнулась и не сбежала.

– Случилось, дочка, – обессиленным, не похожим на свой, голосом ответил отец и добавил после повисшей в воздухе паузы: – Лешка заснул... Уже неделя как не просыпается...

Из мира нагрянувших воспоминаний Людмилу вернул голос мужа:

– Вот тебе кофе, горяченький. Пей!

Людмила широко раскрыла глаза, тряхнула головой, точно желая сбросить все наваждения разом, и притронулась пальцами к кофейной чашке. Руки ощутили тепло, которое медленно потекло дальше по всему телу. Стало чуточку легче.

– Тёма, – посмотрела Людмила в глаза мужа, ища в них поддержку, – не могу я... Знаю, что надо в больницу ехать, а не могу, ноги не идут. Как я с ним встречу? Вот будь Виктор рядом, тогда другое дело. Все-таки мужчина.

– А я что, не мужчина? – с обидой в голосе отреагировал муж.

– Тёма, ты не так понял. – Людмиле захотелось сразу же его успокоить. – Ты очень даже мужчина. Ты – мой мужчина, самый хороший. Вот только Лешке ты меня заменить не можешь, я сама должна к нему. А с Виктором проще было бы.

– Так давай ему позвоним. Тем более что врачу обещали. Если он сегодня из Москвы вечерним поездом выедет, то завтра тут будет. А завтра выходной еще.

– Так его и дома, наверное, нет. Небось на даче копается, посадки делает.

– Да и ладно. Мы ему на сотовый звякнем.

– Ой, и правда, – всплеснула руками Людмила, – я все забываю, что теперь так просто стало. Никак не привыкну к сотовому. Все на домашний да на домашний.

– Это потому что у твоих подруг ни у кого сотовых нет, а ты свой только по работе используешь. Ладно, когда звонить будем?

– Куда?

– Как куда? Виктору, естественно.

– Так мы же еще в клинику обещали перезвонить. Совсем у меня голова кругом идет, не знаю, за что и хвататься. Еще клиентка эта совсем некстати.

– Может, перенести ее все-таки, Люда?

– Поздно уже, Тёма. Поди, уже из дома вышла. Она без машины, насколько я знаю. Ты же сам мне твердил, что нельзя ее терять, деньги хорошие, а сделка почти на мази. Не слезить бы, конечно. – Людмила постучала по столу. – Нам тоже пора собираться. Пойду одеваться.

– Хорошо, – согласился с женой Артем, – а я пойду спущусь, машину прогрею. Давай тогда по пути решим, что дальше делать.

Людмила с заметным усилием поднялась и пошла в другую комнату. Все тело неприятно пошатывало, хотелось сесть, а еще лучше лечь, закрыть глаза и больше не думать ни о чем.

Тянуло погрузиться в дрему и заснуть. И страха, что может получиться как с Лешкой, совсем не было. Людмила попробовала собрать в кулачок еще оставшиеся душевные силы и почувствовала, что ей это наконец удастся. Она переоделась и присела перед зеркалом, придвинув к себе поближе тушь и помаду. Созерцание собственных морщинок, особенно заметных в уголках глаз, оптимизма не добавляло. «Старею, – вздохнула Людмила, – половина жизни пролетела, как и не бывало. А вторая половинка, она ведь совсем другая будет. Неужели все уже прошло? Ой, а как же Лешка меня узнает, такую старую? Он сам свеженький как огурчик, словно хлопек на танцульках. Это же шок для Лешки будет, какими мы все стали: мама, Витька, я. А потом еще про Машку эту чертову рассказать придется, про то, что Сережка теперь не его и даже, наверное, о нем и не слышал. Вот она, жизнь, как закрутилась... Ладно, надо краситься быстренько и ехать. А то уселась как клуша».

Спустившись во двор и сев в машину, Людмила поймала на себе немного раздраженный взгляд мужа.

– Тёма, прости, – она легонько чмокнула Мелешкина в щеку, – я, как всегда, долго марафетилась. Но мы же успеем?

– Попробуем, – проворчал Артем, вырывая из парковочного кармана задним ходом. – Так что решим со звонками? Сначала в клинику или сначала Виктору?

– Не знаю я, – призналась Людмила, – а ты как думаешь?

– А я думаю, что сначала Виктору. Я же пообещал главврачу, что мы сами позвоним. Логично?

– Логично, – с облегчением согласилась Людмила и подумала, как хорошо, когда муж такой умный.

– Тогда набирай его.

– Как это набирай? Из дома позвоню. Или ты по сотовому предлагаешь? Так это же дороже будет.

– Слушай, Люда, вот прожил я с тобой целую жизнь, а порой никак тебя понять не могу. У тебя брат после полутора десятков лет проснулся, а ты копейки тут начинаешь считать. А если со мной что произойдет, тоже начнешь прикидывать, что позвонить дорого?

– Нет, нет, Тёмочка, что ты! – Людмила остро ощутила подступившее чувство вины. – Это у меня, дуры, от растерянности черт-те что с языка слетать начало. Сейчас с Марианной квартиру посмотрим и сразу позвоним Витьке, хорошо?

– Хорошо. – На лице Артема появилась удовлетворенная улыбка. – А насчет денег, то ты Виктора попроси тебе перезвонить, у него как-никак матположение получше нашего.

– Так за входящий звонок все равно деньги насчитают. – Людмила сама не понимала, почему, уже согласившись с мужем, она продолжает спорить по деталям.

– Насчитают, но меньше, – подвел итог Мелешкин. – Подъезжаем. Где тут заезд во двор? Понять не могу. Справа от магазина, что ли?

– Вон она, Марианна, около дома мельтешит. Тёма, ты высади меня тут, – попросила Людмила, – а сам поищешь потом, где тебе встать лучше.

Артем прижался к бордюру, и жена легко выпорхнула из машины и зашпешила по натопанной тропинке, пересекающей широкий газон почти по диагонали к нужному дому, а точнее, к примыкающему с торца магазину. Людмила сама удивилась легкости движений собственного тела, но факт оставался фактом. Тяжесть сохранялась только в голове, набитой под завязку раздумьями о произошедшем.

– Марианна, вы давно ждете? Я вроде не опоздала. – Мелешкина посмотрела на часы.

– Ой, да что вы, Людмила, – растягивая слова чуть нараспев, отреагировала клиентка. – Это я пораньше прискакала. Уже успела дом со всех сторон обойти, посмотреть, где магазин, где аптека. Снаружи все меня устраивает, теперь важно саму квартиру посмотреть.

Осмотр квартиры с клиенткой прошел у Мелешкиной словно во сне. Вокруг как манекены двигались то Марианна, придирчиво рассматривавшая все, начиная с отделки санузла и заканчивая потолками под три десятка и лепниной над окнами, то хозяин «сталинки» Михаил Степанович – мужчина лет пятидесяти пяти с роскошными, правда, уже заметно поседевшими усами. «Прям заporожец вылитый», – решила Людмила, когда впервые его увидела.

Когда в итоге Марианна заявила, что, по большому счету, ее все устраивает и лишь чугунные батареи нужно будет заменить на современные, Мелешкина вздохнула с облегчением. Она по-прежнему не представляла себе, как встретится с братом, как заговорит с ним, но откладывать поездку в клинику и постоянно думать об этом становилось нестерпимо. В конце концов, что может быть хуже ожидания?

Когда Марианна договорилась с Михаилом Степановичем встретиться завтра в банке для передачи денег и подписания договора, Людмила лишь машинально махнула головой в ответ на вопрос клиентки, удобно ли ей будет в полдень.

Распровавшись с Марианной у подъезда, Мелешкина обнаружила припаркованную сзади и чуть сбоку от магазина машину с выглядывающим из нее Артемом.

– Все в порядке, Люда? – спросил он, когда Мелешкина открыла дверцу. – Что-то больно долго.

– Да клиентка эта, Марианна, там чуть ли не все облазила. Всю сантехнику ощупала – не подтекает ли. Хозяйственная женщина! Похоже, на сделку выходим. Завтра надо будет еще раз сюда приехать, она мужу хочет квартиру показать, потом в банк. Но, надеюсь, уже не сорвется. Денежки скоро получим.

– Ну что, домой поедет? – спросил Артем с заметным колебанием. – Оттуда и позвоним. Виктора можно сначала на домашний набрать, вдруг не уехали они никуда на праздники. И главврачу позвоним. Едем?

– Едем! Только не домой. И звонить мы сейчас никому не будем. – Людмила сама в глубине души удивилась созревшей в ней решимости.

Решимость окончательно оформилась в лифте. Где-то рядом журчал голос Марианны, но Мелешкина совершенно не воспринимала, что говорит клиентка. Наверное, продолжает делиться впечатлениями от квартиры. И тут Людмила ясно, до боли, осознала, что дальше откладывать нельзя. Там же братик ее родной, младшенький. Да, с годами чувства притупились, да и надежда на то, чтобы увидеть его не спящим, почти исчезла. Чего уж греха таить, так ведь и есть, от себя не уйдешь и перед собой не слушаешь. Но сегодня, когда Алешка проснулся? Когда он там, в палате, ждет родных, ждет ее, разве может быть другое решение?

Людмила посмотрела в непонимающие глаза мужа:

– Тёма, мы едем к Лешке в клинику. А Виктор, звонок – это потом все. Лешка, он же проснулся, он там один, без нас, только врачи до сестры вокруг. А Лешка ждет и надеется. Едем!

Артем ничего не ответил. Он своей рукой пристегнул жену и плавно тронул машину с места. До психоневрологического центра добрались минут за двадцать. По крайней мере, Людмиле так показалось. В голове у нее роились обрывки всяких и всяческих воспоминаний. То Лешка маленький, тянется ручонками к матери. То отец наказывает его, сорванца, ремнем за разбитое футбольным мячом соседское окно. То Лешкина свадьба, и он, счастливый, то и дело норовит взглянуть на сидящую рядом застенчиво улыбающуюся Машку.

– Сегодня нет посещений, только с пяти до шести вечера. – Голос вахтера в куртке с надписью ЧОП «Витязь» разогнал в голове воспоминания, точно облака после дождя.

Артем, легонько поддерживающий жену под локоть, попытался возразить:

– Мы к Алексею Карпунцову. Он сегодня проснулся! Вы разве не слышали?

– Подождите здесь, – охранник указал на стоящие в дальнем углу помещения КПП несколько стульев, – сейчас справлюсь у самого Ивана Петровича, что с вами делать.

Людмила присела на краешек и мучительно стала придумывать первые слова, которые она скажет брату. Но придумывалось плохо, можно сказать, что никак.

– Вы Людмила Васильевна? Сестра больного? – спросил подошедший вахтер.

Мелешкина почувствовала, что язык перестал ей повиноваться. Выручил Артем:

– Да, да, именно так. А я ее муж, Артем Иванович. Мы можем пройти?

– Подождите чуток. Иван Петрович обещал прислать Гаврилову за вами. Она скоро... Да вон уже бежит!

Лена Гаврилова, запыхавшаяся, с выбившимися из-под белой шапочки прядями волос, зататорила, едва просунув голову в помещение КПП:

– Людмила Васильевна, здравствуйте! У нас тут такие дела, такие дела! Иван Петрович ждет вас у себя в кабинете. Он сейчас расскажет, как и что. Надо вас подготовить к встрече.

– Не надо! Простите, забыла ваши имя-отчество, – Людмила почувствовала, что больше не может откладывать встречу с братом, даже на минуту, – не надо мне никаких инструктажей. Мы идем сразу к Лешке!

Мелешкина решительно отвела в сторону лежащую у нее на плече руку мужа и уверенно, внутренне собравшись, пошла по направлению к корпусу. За ней двинулся Артем. Гаврилова вытащила из кармана халата радиотелефон, произнесла в него несколько слов, молча выслушала ответ, сунула телефон назад и бросилась догонять Мелешкиных.

– Пойдите! – до слуха Людмилы долетел голос врача. – Я вас сейчас провожу в палату. Да, вы спрашивали... меня Еленой Сергеевной зовут. Можно просто Елена. Мы же с вами общались, когда вы сюда приезжали.

– Да, я теперь вспомнила, что вы – Елена Сергеевна. Что-то растерялась я сегодня, – коротко ответила Мелешкина и, замолчав, прибавила шаг.

Она на одном дыхании взлетела по лестнице на четвертый этаж, словно забыв о существовании лифта и опережая спешивших сзади мужа и Гаврилову верных метров на пять-шесть. Сидевший у двери сорок пятой палаты санитар попытался было остановить Людмилу, но безуспешно. Распахнув дверь, она увидела сидящего на кровати брата и суетящуюся неподалеку медсестру.

Ноги сами собой понесли Людмилу вперед.

– Лешенька, братик ты мой! Дай я тебя поцелую!

Ее, уже находившуюся в двух шагах от кровати и готовую броситься в объятия, на полном ходу остановил Лешкин голос:

– Кто вы? Сестра, кто это?

– Леша, да я это, Люда! Ты меня не узнал?

– Люда??? Не похожа, голос вот только вроде...

Мелешкина с рыданием опустилась рядом и начала покрывать лицо Алексея горячими, перемешанными со слезами поцелуями:

– Я это, Леша, я.

– А почему ты такая старая? А я, я какой? Дайте мне зеркало! Что со мной, где я? И ты... ты же в Узбекистане сейчас.

– Я... я приехала тебя провести. – Людмила оторвала губы от лица брата и, ощутив на себе чей-то пристальный взгляд, посмотрела в сторону двери.

На пороге стоял главный врач регионального центра психиатрии и неврологии Иван Петрович Померанцев.

Глава 4

Иван Петрович, получив от охранника информацию о появлении сестры Карпунцова и распорядившись пропустить ее, не ожидал, что та окажется в сорок пятой палате столь быстро. А потому и не успел перехватить Людмилу в коридоре, настроить на встречу с братом, сказать что-то важное. Впрочем, Померанцев и сам не знал, что такое важное он может донести до Мелешкиной. Кажется ведь, что все просто и даже целиком радостно: спал человек летаргическим сном шестнадцать с половиной лет и вот проснулся. Считай, что случилось чудо. А дальше? Померанцев представлял, как непросто будет теперь и самому Алексею, и родным его. Каково это – проснуться и осознать, что лучшие годы жизни безвозвратно пропущены, словно стерты ластиком? А ведь все, что вокруг, эти годы прожили. Пусть по-разному, пусть порой очень трудно, но прожили: смеялись и плакали, любили и ненавидели, грустили и радовались. И как же теперь будет мучительно трудно смириться Алексею с тем, что у него, обычного простого парня, совершившего грехов не больше, чем другие, взяли да вырвали как кусачками полтора десятка лет жизни. Просто вырвали! Да вдобавок за эти годы наслучалось столько всего разного: заснул Карпунцов в одной стране, а проснулся совсем в другой. Ну ладно, к этому он как-нибудь привыкнет. А вот жена не дождалась, давно ушла уже. И у сынишки теперь другой отец.

Когда Померанцев, весь погруженный в такие невеселые размышления, подошел к сорок пятой палате, то услышал громкий, срывающийся на хрип голос Карпунцова, требовавшего себе зеркало. «Как бы он связки голосовые не порвал в первый же день», – подумалось Ивану Петровичу. Дверь в палату была распахнута, рядом с ней стоял и заглядывал внутрь санитар. Завидев Померанцева, он отскочил в сторону и вытянулся чуть ли не по стойке «смирно». Главврач остановился на пороге и увидел плачущую, обнимающую нервно дергающиеся плечи брата Людмилу.

– Люда, это ты? Ты же не такая! Волосы не те. И это, – хрипел Карпунцов, показывая указательным пальцем на ставшие особенно заметными на припухшем от слез лице Людмилы морщины.

Померанцев обвел глазами палату. Гаврилова молча стояла недалеко от кровати. По выражению ее лица Иван Петрович понял, что Лена растеряна и просто не знает, что предпринять. В углу около дверей вжимался в стену незнакомый мужчина, бросавший быстрые взгляды то на Людмилу с Алексеем, то на Гаврилову. А теперь еще и на появившегося Померанцева. «Наверное, это муж сестры, – догадался Иван Петрович, – мне же охранник сказал, что она с мужем приехала».

– Зеркало мне дайте, зеркало хочу! – снова потребовал Карпунцов. – Да чтоб всех вас... пошли вы...

– Алексей, – Померанцев старался отвечать предельно твердым тоном, проклиная в душе свою природную мягкость, – я вам уже сегодня говорил – никакого мата! А вы снова за свое. Я все понимаю: и болезнь у вас долгая была, и нервы на пределе. Но посмотрите: вокруг женщины. Почему они должны выслушивать матерную брань? Они в чем провинились перед вами?

Карпунцов дернул плечами, словно желая сбросить руку сестры, и затих. Его тело сгорбилось и обмякло.

«Черт, и позвоночник начинает не справляться с нагрузкой. Надо сейчас ему полежать», – подумал Иван Петрович и обратился к присутствующим:

– У кого с собой есть зеркальце? Дамы, дорогие, у вас точно должно быть!

– У меня в дежурке, в косметичке, – растерянно отозвалась Гаврилова.

– А у меня тоже в косметичке, но она в машине, – вторила ей Людмила.

– Так, до дежурки быстрее, – резюмировал Померанцев. – Елена Сергеевна, принесите, пожалуйста. А вы, дорогой Алексей Васильевич, прилягте поудобнее. Организм еще слабенький, его беречь надо. Вставать пока будем понемножку. Видите, какое замечательное сидячее место вам обустроила Анна Мефодьевна. Три подушки. Да такому уюту сам царь Салтан позавидовал бы!

При этих словах Людмила улыбнулась краешками губ, а вот Карпунцов никак не отреагировал, лишь опустил голову и устался на свои колени. «Может, он сказки Пушкина забыл за это время? – начал искать объяснение Померанцев. – Но я из литературы не помню случаев, когда при летаргическом сне возникали бы пробелы в памяти. После пробуждения больной помнит то, что было с ним до, и даже запоминает голоса тех, кто был рядом во время сна».

Дробный стук каблучков из коридора возвестил о возвращении Гавриловой. Лена прямо с порога протянула дамское зеркальце Померанцеву. Иван Петрович взял его в руки и подошел к Карпунцову.

– Алексей, вы сегодня прям как красна девица! – Главврач старался говорить шутливо, полагая, что таким образом приободрит пациента. – Утро начинаете с зеркальца! Ладно, взгляните в него. Оно волшебное, всю правду и скажет... Давайте я подержу, чтобы вам не уронить.

Карпунцов, никак не реагируя на шутки-прибаутки, глянул в поднесенное Померанцевым зеркало, тут же отвел глаза в сторону и снова посмотрел на собственное изображение.

– Я это вроде, – тихо, но по-прежнему с заметным хрипом выдавил он из себя, – только худой... точно глиста.

Наступило молчание. Пациент продолжал изучать себя в зеркале, а Померанцев напряженно раздумывал, когда и как начать рассказывать Карпунцову правду о том, что с ним произошло. Сразу или лучше оттянуть на потом? Все за один присест или по кусочкам, дозированно? Ответов у Ивана Петровича не было. Тут надо знать особенности психического склада Карпунцова, его темперамента, реакции на неожиданные и, мягко говоря, не особо приятные новости. Таких подробностей в истории болезни не было, а не спящего Алексея Померанцев никогда не видел. Вот только сегодня, первый раз в жизни.

– Почему ты такая старая? – Обращенный к зареванной сестре вопрос Карпунцова не оставлял Померанцеву большого выбора.

– Елена Сергеевна, спасибо, возьмите. – Иван Петрович протянул зеркальце Гавриловой и присел на стул прямо напротив Карпунцова. – Эх, Алексей, Алексей! Ну что мне с вами делать? Перевоспитывать вроде как поздно. А вы то матом кроете, то сестре говорите, что она... немолодая. Вас что, в школе не учили, что женщинам о возрасте не говорят? За исключением тех, кому меньше шестнадцати!

Карпунцов оторвал взор от собственных коленок и поднял глаза на главврача. «А ведь я его задел, – с удовлетворением подумал Иван Петрович. – Это хорошо. Вот только что дальше сказать? Эх, была не была, рискну!»

– У вас тяжелая болезнь была. Без сознания долго. Потом сил набирались, спали много. А когда человек спит, у него обмен веществ в организме замедляется. – Померанцев начал осторожно готовить Карпунцова к правде, которую тому неизбежно предстоит узнать.

– А музон можно послушать? – Своим неожиданным вопросом пациент поломал все намечавшиеся приготовления Померанцева.

– Какой еще музон? – только и смог выдавить из себя Иван Петрович.

– Да чё-нибудь этакое! Как на дискотеке! Во, можно «Modern Talking», – заводился на ходу Карпунцов. – Мы с Манюсской оба их любим. А где она? А, понял, с Сережкой, наверное, в Меженске.

Померанцев отметил про себя, что при упоминании о дискотеке из голоса пациента практически исчезла хрипота: «Вот что значит любимая тема! Но голос слабый, связки, судя по

всему, ни к черту. Надо приглашать специалиста. Фигово, что через облздрав раньше понедельника не получится».

– Алексей Васильевич, вы же в больнице сейчас, а не на дискотеке 80-х, – не удержалась Гаврилова, но тут же прикусила губу и смущенно посмотрела на главврача.

«Про 80-е это зря она. Хотя, может, и не зря. Все равно с чего-то надо будет начинать рассказывать. Может, как раз через музыку зайти, раз он к ней так равнодушен?» – снова взвешивал «за» и «против» Померанцев.

– Извиняюсь, – буркнул Карпунцов и снова оживился: – А может, есть кассетник у кого-то? Что, во всей больнице нет ни у кого? У нас записи классные дома. Маша привезет. Она и «Романтик» наш привезти сможет, он же стерео! Доктор, можно? А только я ничего не понимаю. Мать с батей где? Дома? И Маша с Сергуней? С ними все в порядке? И почему Люда ты... такая?

Мелешкина вскочила и быстрым порывистым шагом бросилась в коридор. Померанцев успел заметить по ее лицу, что Людмила еле сдерживается, чтоб не разрыдаться прямо в палате.

– Доктор, ну что вы молчите? – Хрипота вновь овладела голосом Карпунцова. – Скажите хоть что-нибудь.

– Алексей, – Померанцев постарался сделать свой мягкий голос предельно убедительным, – вы очень долго болели... И болезнь была, прямо скажем, непростая. Редкая была болезнь. Но ваш организм с ней справился. Теперь пойдете на поправку. Но нельзя делать все и сразу, вы еще крайне слабы. Вам сейчас заново придется учиться не только ходить уверенно, но даже кушать и, простите за откровенность, как туалет посещать. И давайте начнем с того, что пульс померяем.

– Доктор, ой, простите, не знаю, как вас величать, а ведь уже почти зима наступила, когда у меня ангина... А сейчас что там такое? Это же на весну похоже! – Карпунцов указал рукой на видевишиеся в окне верхушки деревьев и снова резко сменил тему: – А можно не только западных, можно и наши группы. Или даже не группы. Я вот от «Танца на барабане» балдею. Можно послушать? Неужели нельзя кассетник принести? У Люды тоже он есть. А где она? Вышла? Хотя она ведь в Узбекистане живет. Получается, Люда из-за меня прилетела? Что со мной случилось?

Померанцев ощущал, что дальше откладывать невозможно. Надо начинать рассказывать правду. Осторожно, дозированно крайне, но начинать. Вот только бы найти правильную первую фразу.

Размышления прервал голос Гавриловой:

– В дежурке у нас плеер есть. Вот только не знаю, какие песни. Но в случае чего скачаем. Иван Петрович, я понимаю, что у нас интернет лимитированный и вообще его надо для работы использовать. Но это же как раз для работы, для пациента. Иван Петрович, хорошо? Я покопаюсь в интернете и скачиваю.

Померанцев хотел кивнуть коллеге головой в знак согласия, но не успел, лишь замер, ошарашенный словами Карпунцова:

– Интер-чего? Я не понял. Это что, Афган? При чем тут музон?

Гаврилова захлопала глазами, остальные, как показалось Ивану Петровичу, тоже растерялись и ничего не понимали. «Надо брать разговор в свои руки. Хотя ни черта не ясно, что он несет... Бредит, что ли? Ну ладно, про интернет не знает. Но Афган тут откуда?» – безуспешно пытался найти логику главврач.

– Я про интернет говорила. Это такое изобретение новое... техническое, – выдавила из себя Лена, и Померанцев с удовлетворением отметил, что его молодая коллега смогла неплохо выкрутить из очень нестандартной ситуации.

– А, изобретение... Я чего-то не в курсах. Не слыхал о таком. Подумал, раз интер-чего-то, то Афган. Ведь там же у нас интернациональный долг. А изобретение это с музыкой связано? Вместо кассетника?

Померанцев ощутил на своей спине чей-то взгляд, обернулся, увидел неслышно входящую в палату Людмилу, которая, похоже, успела смыть слезы, но ничего не смогла поделать с густо покрасневшими глазами и заметно припухшим лицом. «Все, пора наконец начинать», – в очередной раз дал себе указание главврач и обратился к Карпунцову:

– Вот что, Алексей, давайте по порядку. Вы спрашивали, как меня зовут? Иван Петрович. Насчет весны и осени вы тоже правильно заметили. Заболели вы в конце ноября, а сейчас май на дворе, вчера День Победы был.

– Это что же, я тут полгода провалялся? И не помню ни хрена! – прохрипел Карпунцов. – И Люда такой... ну другой... за полгода стала? Но ведь так не бывает! Доктор, Иван Петрович, ну скажите же мне! Или ты, Люда, скажи! Я знаю, что дурак дураком, ПТУ только и смог закончить, но даже я понимаю, что так не бывает! Это факт! А Маша моя, где она? У нее тоже эти? Ну, морщины, короче.

Главврач пересел на кровать рядом с Карпунцовым и, взяв руку пациента за запястье, приготовился померить пульс. Алексей попытался выдернуть свою руку, но не смог. «И не пытайся, дружок! У меня силенка имеется, да и слаб ты еще», – улыбнулся про себя Померанцев. За 20 секунд он насчитал 24 удара.

– Ну что, Алексей, с пульсом у вас совсем неплохо. Я бы даже сказал – замечательно! – Главврач с удовлетворением почувствовал, как его уверенность, судя по выражению глаз, начинает передаваться пациенту, а значит, теперь можно и рискнуть. – Вы слышали такое слово – летаргия? Ну, это сон довольно длительный.

– Чего-то слышал вроде... А, вспомнил! Говорил кто-то, что писатель этот... как его... Гоголь, во вспомнил! Ну, короче, Гоголь этот не помер, а вроде как заснул. А его похоронили, и он там в гробу ворочался, но выбраться не смог. Потом задохнулся и помер по-настоящему. Вот ужас! Доктор, Иван Петрович, а чего вы об этой аллергии... тьфу, черт, летаргии, вспомнили? Мне не по себе что-то.

– А вот бояться вам решительно нечего! – Померанцев изо всех сил старался поддерживать бодрый тон своей речи. – И с Гоголем, кстати, это байка. По крайней мере, никаких медицинских подтверждений того, что он живым был похоронен, нет. А летаргия, она порой случается. Например... как осложнение после ангины, скажем так. Человек долго спит, кто неделю, кто месяцы, а кто-то и дольше, потом просыпается. Вот и вы некоторое время проспали, зато сейчас проснулись! Все позади, и теперь окончательно на поправку пойдете!

– Я... я так долго спал? Вот Люда... изменилась, – с заметным напряжением подыскивал Алексей слова, – а Манюська моя как? Тоже? А Сергунька? Батя с мамой? И Витька еще, он как? И где они все?

– Лешка, а меня ты не узнаешь? – неожиданно для Померанцева вступил в разговор молчаливо простоявший все это время у стены в углу палаты пришедший с Мелешкиной мужчина.

– Не-а, – покачал головой Карпунцов после внимательного изучения взглядом, – вот только голос, реально знакомый, но на чей похожий... не вспомню никак.

– Тёма я... Не узнал, значит, – с сожалением в голосе произнес мужчина в углу.

– Тёма??? Ты муж Люды? – Никакая хрипота в голосе не могла скрыть степень удивления Алексея. – Не похож! Ни хрена не похож! Хотя... теперь вроде и похож.

– Неужели я так постарел? – Голос Артема задрожал.

Померанцеву показалось, что Мелешкин хотел сказать эти слова только самому себе, но получилось громко, во всеуслышание. Наверное, от волнения не смог с собой совладать.

Карпунцов откинулся на подушки и закрыл глаза.

«Как бы снова не заснул лет на шестнадцать, – испугался Померанцев и стал себя одергивать. – Эх, что же это я словно баба базарная становлюсь! Не было же описанных случаев повторной длительной летаргии. Короткие рецидивы, наверное, возможны, нужно повнимательнее почитать. А вообще надо гнать такие мысли идиотские прочь! Если я сам так думать буду, то что говорить обо всех остальных». И действительность, как это часто бывает, не заставила долго ждать подтверждения.

– Лешенька, ты только не засыпай снова! – с криком, пронизанным страхом и мольбой, кинулась к Алексею Людмила.

Померанцев инстинктивно отшатнулся немножко в сторону от плюхнувшейся рядом на кровать Мелешкиной. А та, повернув к нему голову, устремила в глаза взгляд, от которого невозможно было спрятаться:

– Доктор, ну сделайте хоть что-нибудь! Христом Богом прошу! Хотите, я на колени стану!

– Успокойтесь, Людмила Васильевна. – Померанцев сам удивился, насколько уверенно и, наверное, убедительно для окружающих он сейчас говорит. – Повторной длительной летаргии не бывает. Вот просто не бывает и все!

– Доктор, Иван Петрович, сколько я спал? – открыл глаза Карпунцов. – Ну скажите же, наконец!

Померанцев пару секунд поколебался, но решил, что цифру в полтора десятка лет сообщать больному пока что рано. Такая цифра и здорового человека с ног свалить может, а тут организм крайне слабый.

– Вы устали с непривычки, Алексей, надо отдохнуть немножко. – Иван Петрович говорил и одновременно неотступно следил за мимикой лица Карпунцова. – А то первый день, и сразу столько всего... В общем, вы все узнаете, но постепенно. И не вздумайте мне возражать! Я как-никак главный врач и отвечаю за вас, потому будет так, как я скажу.

– И что, я теперь всегда таким молодым буду, а все кругом старыми? И Маша тоже? Где она?

– Ну, рецептов вечной молодости пока никто не придумал, – Померанцеву показалось, что шутка сейчас будет больному на пользу, – а посему станете как все другие люди...

Иван Петрович замолчал на полуслове, представив себе, как быстро Карпунцов теперь будет стареть, нагоняя прошедшие во сне годы. Но эту тему сегодня надо обходить стороной. Категорически!

– А Маша где? Мать, батя? Сережка? – снова начал повторять Карпунцов.

– Слушайте, Алексей, вы же в Светлоярске сейчас, а не в Меженске. И приемных часов для родственников сейчас нет. Вот Людмила Васильевна рядом оказалась, в Светлоярске, поэтому смогла быстро приехать. – Иван Петрович почувствовал, что разговор надо заканчивать и дать пациенту сейчас отдохнуть. – Все остальное потом. Вам желательно немножко поспать или вздремнуть хотя бы.

– А я проснусь? – тихо прошептал Карпунцов.

– Проснетесь! Через пару часов точно! – пообещал Померанцев, отгоняя лезшие ему самому в голову сомнения.

– Лучше бы не проснуться, – еле различимо, опять с хрипом пролепетал больной. – Раз Маша... с морщинами... зачем я такой ей нужен?

Алексей прикрыл глаза и замолчал. Померанцев бережно вынул у него из-под головы две верхние подушки и, взяв руку за запястье, начал отсчитывать пульс. За 20 секунд получился 21 удар. Было видно, что Карпунцов погрузился в сон. Но это был уже обычный сон просто уставшего и порядком ослабевшего человека.

Иван Петрович поднялся с кровати, бережно укрыл Алексея одеялом и махнул Людмиле с мужем рукой:

– Идемте ко мне в кабинет! Не беспокойтесь, он просто спит, как все мы. Видите, дыхание явно заметно. И пульс для его состояния неплохой. При летаргии все совсем по-другому. Впрочем, что я рассказываю? Вы сами раньше это видели.

Померанцев, пропуская вперед себя Людмилу с Артемом, обернулся к Гавриловой:

– Елена Сергеевна, вы здесь пока побудьте, понаблюдайте. И где у нас медсестра? Анна Мефодьевна ушла? Словом, одна из медсестер должна быть в палате или около. Это независимо от санитаря.

Спустившись к себе в кабинет, Иван Петрович кивнул головой в направлении стола для заседаний:

– Людмила Васильевна, Артем, простите, не знаю вашего отчества, присаживайтесь.

– Иванович я, с вашего позволения, – откликнулся Мелешкин.

– Вот и чудесно! – приветливо улыбнулся Померанцев. – Давайте обговорим, что делать дальше. Анна Никаноровна в Меженске? Как у нее со здоровьем сейчас? В общих чертах я ситуацию знаю и с женой Алексея, и с сыном. Сами понимаете, что нельзя весь негатив на вашего брата вот так взять и выплеснуть. Придется постепенно, надо план составить, чтобы мы все сообща действовали. Давайте чаю попьем? Я сейчас поставлю, секретаря нет сегодня, день выходной. Вот только к чаю ничего у меня нет, разве только пара плиток шоколада.

Глава 5

– Нет, что ни говори, хорошо, когда дача близко! – Виктор Карпунцов развалился в кресле, пытаясь заглушить поселившееся в душе с самого утра ощущение неясной тревоги. – Обед на даче, ужин дома! Туда-назад на велике сгонять можно. На машине тоже, конечно, неплохо. Что еще человеку нужно?

– Мама до сих пор жалеет, что мы тогда перебрались на Кирова. Отец меньше, а мама очень, все-таки в деревне выросла, на земле. Да и у меня там, почитай, все детство прошло. – Легкая улыбка пробежала по лицу Нины.

– А чего ж они тогда не приезжают? Пару раз в год в лучшем случае, да и то словно одолжение делают.

– А ты будто не понимаешь? Дом старый мы сломали? Сломали. А новый – он уже чужой. И сад не такой стал. Одних яблонь повымерзло сколько. Витя, а ты заметил, что крыжовник уже зацвел? В этом году немножко раньше. Погода-то какая установилась! Еще пара-тройка таких денечков, и яблони зацветут.

– То есть я во всем виноват с домом этим? – Карпунцов ощутил легкую ссадину на душе и пропустил мимо себя все последующие рассуждения жены о крыжовнике и яблонях. – Вообще прохладно родители твои ко мне относятся. А ведь на следующий год тридцатник нашей семейной жизни стукнет. Не фунт изюма! Можно было бы с зятем... душевнее, что ли.

– Витя, перестань! – В голосе Нины зазвучали досада и легкое раздражение. – Сколько раз говорили на эту тему! Я повторять уже устала. Был хоть один случай, чтобы мои родители тебя оскорбили, накричали, даже просто неудовольствие высказали? Если был, то скажи! Молчишь? Вот то-то. И мальчиков наших помогли вырастить. Куда бы мы без бабушки-дедушки делись? Твои-то родители далеко, каждый день к ним не наездишься. Нет, ты не подумай, я к Анне Никаноровне очень хорошо отношусь и к покойному Василию Ивановичу, царствие ему небесное, тоже. Ну да, мама немножко прохладно с тобой разговаривает, бывает, не спорю, но она вообще человек скупой на улыбки. Очень много в жизни с ней наслучалось: и детство в войну, и голод... Ладно, не будем вспоминать. А домик наш старый и мне жалко, это же детства частичка.

– Так он вообще как халупа стал, набекрень пошел от старости, того гляди рухнуть прямо на голову мог. – Виктор понимал, что оправдывается, но вины своей не чувствовал, отчего на душе сделалось совсем погано.

– Витя, я же не спорю! – Нина присела рядом на подлокотник кресла и погладила мужа по плечу. – Правду говорят, что дома как люди: тоже стареют и умирают. Все, давай больше не будем об этом! Пойду чайник поставлю. У нас от вчерашнего празднования много всего осталось – надо доедать.

– Погоди, Нинок. – Карпунцов мягко удержал порывавшуюся подняться жену за руку. – Не хотел тебе говорить, но сейчас настроение какое-то пришло. Знаешь, я сегодня мать во сне видел. Будто стоит она у окошка и вдаль смотрит, а глаза зареванные-зареванные. Что дальше было – не знаю, не запомнил. Нехорошо мне стало, весь день хожу и думаю. Я ведь незадолго до бастиной смерти его тоже во сне видел. По дороге он шел, по проселочной, пыльной такой. И тоже вдаль куда-то смотрел, пристально так, словно разглядеть что-то хотел и не мог. А теперь мама вот приснилась...

– Не мучай ты себя, Витек! – Нина прижалась головой к груди мужа. – Мало ли что приснится. Дай Бог Анне Никаноровне здоровья! Может, нам в Меженск съездить этим летом? Почитай, два года как не были.

– Я сам об этом подумал. Вот отпуск будет, и поедем, хорошо? Ты не против? Мы же не на весь отпуск, а денька на три-четыре. – Виктор почувствовал облегчение. – Ладно, давай вчерашнее доедать и чай пить. Водочка у нас осталась?

– В одной бутылке немного есть, тебе хватит. – Нина неопределенно махнула рукой. – А так вчера гости прилично на грудь приняли. Особенно Соловьев. Когда уходили, его обеими руками с боков жена поддерживала. Надо, кстати, Клаве позвонить – узнать, как они до дома добрались.

В прихожей резко зазвонил телефон.

– Кто-то проснулся, небось с праздником поздравить хочет. По гудку на межгород похоже. Ладно, сиди, мне все равно на кухню идти. – Нина поднялась и, зябко поведя плечами, пошла к аппарату.

Виктор прикрыл глаза. «Что-то устал я сегодня, – подумал он, – хотя и не напрягался особо. Может, это свежий воздух на даче так подействовал, что в сон клонит? Вчера, конечно, перебрал немножко с горячительными напитками. Утром башка изрядно трещала. Может, это от вчерашнего разбитость до сих пор в теле? Ладно, сейчас приму грамм пятьдесят и снова как огурчик буду. Там мясо еще жареное оставалось. Надо спать пораньше лечь сегодня. Завтра еще Мишка из похода вернется».

Из коридора долетал голос жены:

– Ой, Люда, привет! Сколько лет, сколько зим! Наверное, с Нового года еще не созванивались... Да, спасибо, и тебя тоже со всеми праздниками прошедшими. И Артема от нас поздравь. Как там Маша, замуж еще не собралась?... Витя? Да дома он. Вон в кресле сидит, отдыхает. Мы только с дачи вернулись, с утра там были... Сейчас позову его. Рада была слышать тебя, Людочка.

Открывать глаза Виктору совсем не хотелось: так удобно было утонуть в мягком кресле и не двигаться.

– Вставай, там сестра твоя звонит, – коротко и без особых эмоций сообщила подошедшая Нина.

– Ну, а чего ты телефон сюда не принесла? – Виктору очень уж не хотелось сейчас не то что подниматься и идти, а даже просто шевелить руками-ногами.

– Я в прислуги не нанималась, – отрезала жена, но без злости в голосе, просто для порядка. – Надо тебе – сам и принеси. Вечно этот длинный шнур под ногами путается, того и гляди запнешься и носом об пол. Надо новый аппарат купить с переносной трубкой, ведь говорили уже не раз об этом.

Карпунцов вздохнул и поплелся в прихожую. Оранжевая трубка аккуратно лежала рядом с телефонным аппаратом. Виктор приложил ее к уху, услышал какие-то шорохи и начал с дежурного приветствия:

– Люда, здравствуй! Как здорово, что ты позвонила. Со всеми прошедшими тебя! Как там Светлоярск? Стоит на месте?

– Спасибо, тебя тоже с праздниками. Светлоярск на месте, чего ему сделается. А вот... – Голос Людмилы оборвался на полуслове, и Виктор почувствовал: что-то там у сестры произошло.

– Люда, не молчи. У тебя все в порядке? А у Артема, у Маши? Мама как? Вот только что с Ниной ее вспоминали, думаем, летом в отпуск точно к ней выберемся, может, даже на недельку получится.

– Я в Меженске тоже пару месяцев не была. Но с соседкой, тетей Нютой, созваниваюсь. Ну, у которой телефон есть. Помнишь ее?

– Ага, – поддакнул Виктор. – То есть все в порядке? Мама здорова, ты тоже, муж с дочкой... Но только голос у тебя какой-то, словно не решаешься сказать мне...

– Прав ты, Витенька, верно распознал, даром что мужик. Говорят, что вы хуже все чувствуете, чем мы, бабы. А ты сразу.

– Да не тяни кота за хвост, Людок! Что случилось-то? – Нервы Виктора напряглись. – Незнание хуже всего. Давай выкладывай сразу!

– Даже не знаю, как и сказать. Ты там сидишь или стоишь? Лучше сядь сейчас.

– Ты меня своими загадками совсем в гроб тут вгонишь, – недовольно пробормотал Карпунцов. – Ладно, уговорила, сейчас телефон к креслу перенесу... Все, сел, давай говори уже.

– Тут дело такое, – начала было тянуть дальше Мелешкина, но, видимо, внутренне собравшись, выпалила сразу: – Лешка проснулся!

– Как проснулся? – только и смог выдавить из себя опешивший Виктор. – Совсем проснулся? Когда?

– Сегодня утром, Витя. Я уже в больнице была. Врач говорит, что Лешка теперь не заснет назад больше. В смысле, засыпать станет на ночь как обычный человек, а летаргии повторно не будет.

– А самого-то Лешку ты видела?

– Да, были с Артемом у него в палате. Он на кровати сидит, ходить пытался, но слабенький организм очень, шаг-второй, и все, ноги подгибаются. Заново учиться придется... Не узнал меня Лешка. Только потом, когда сама назвалась. Говорит, старая я стала, только голос похожий. И Тёму тоже не узнал. Начал у всех спрашивать насчет себя: мол, такой же старый или как. Зеркало ему врачаха дала. Посмотрелся он в это зеркало, и совсем, чувствую, не по себе ему стало. Лешка в зеркале как огурчик, а сестра – развалюха.

– И что, что Лешка еще сказал? Люда, не тяни! – Виктор ощущал, что никак не может прийти в себя от услышанного.

– Спрашивал, где мать с отцом, где Машка, про Сережку, естественно. Тебя, понятное дело, тоже вспомнил. Короче, и врачи Лешке сказали, и мы с Тёмой поддакнули, что он долго болел, без сознания был, вот в область привезли, в больницу, поэтому никого рядом нет, день неприятный. Вроде поверил.

– Так ты из больницы звонишь?

– Нет, из дома. Главврач сказал, что сейчас надо постепенно ему привыкать ко всему. Когда мы уходили, Лешка заснул. Но ты не бойся, это не летаргия, а обычный сон. Врач пульс пощупал, говорит, что нормальный. Раньше-то у него, помнишь, пульса не было почти совсем. Вить, а Вить!

– Что, Люда? – Карпунцов чувствовал себя полностью раздавленным свалившейся новостью, даже не находил в себе сил обрадоваться, а надо бы.

– Вить, не могу я тут одна со всем этим справиться. Приезжай! Вместе маме тогда сообщим. Одна я боюсь, вдруг сердце у нее сразу... вдруг не выдержит.

Виктор совсем растерялся. По-хорошему, надо ехать сразу. Тут и рассуждать не о чем. Шутка ли: полтора десятка лет Лешка проспал. В первое время Виктор все никак не мог смириться с тем, что произошло. В Питер мотался, где брат лежал, одолевал тамошних врачей расспросами и собственными дилетантскими советами. Ему постоянно казалось, что доктора хоть и профессионалы, конечно, но ничего не смогут поделать без какого-нибудь чудодейственного сверхнового изобретения. А придумать такую прорывную вещь может он, Виктор Васильевич Карпунцов. Не врач, медицинского образования нет? Во всякой там неврологии и психиатрии не разбирается? Ну и что, не боги горшки обжигают. Зато он брат, старший, который этого Лешку, неподвижного лежащего в постели, даже не дышащего почти, с самого раннего детства опекал, защищал от обидчиков, учил давать сдачи в мальчишеских драках.

А на кого еще было надеяться в деле Лешкиного выздоровления? Врачи, наверное, все правильно делали, претензий к ним нет, но уж слишком они, как казалось Виктору, полагались на данные их медицинской науки. Мол, плохо еще изучена эта чертова летаргия, редко случа-

ется, достоверно описанных случаев кот наплакал. Поэтому лечим как знаем, а поскольку мало что известно... ну, словом, хотя бы не навредим. Может, и не так думали врачи, поди разбери, чужая душа – потемки, даже скорей всего не так, но мысль о том, что самого важного звена найти не удастся, долго не оставляла Виктора.

Шли годы, и Карпунцов понемногу смирился с действительностью. Выше головы не прыгнешь. Может, и нет никакого спасения от этой летаргии. Берет человека за шкуру, выхватывает из толпы и бросает в пучину безвременья. А почему судьба именно этого выхватила, а не другого, одному Богу известно. Вроде и жив человек, а что это за жизнь, если подумать. Кормят-поят через всякие трубочки или даже впрыскивают, аж передергивает, если представить себе, тело обтирают салфетками да полотенчиками влажными. Лучше и не думать о таком. А жизнь свое берет, дети растут, с «северов» вернулись, на родине жены, в Подольске, осели. Новые дела, новые заботы, новые радости. А Лешка? Ну, жалко его, беднягу, но разве жалостью беде этой поможешь? Только расстраиваешься, когда в больницу к нему попадаешь. И Виктор, хоть в душе упрекал себя, постепенно стал все реже бывать у брата. Даже когда к матери с отцом в Меженск ездил, старался найти подходящий предлог, чтоб их к Лешке не сопровождать.

Казалось, что братишка будет спать вечно. Они все помрут, вон батя уже ушел, не дождался, а Лешка так и будет лежать, молодой, двадцатипятилетний, не стареющий. Точно деревце вечнозеленое на фоне осеннего опадающего леса.

И вот случилось то, на что надеяться перестали. Только мама наверняка верила, а остальные... А что остальные? Желали, конечно, но разуверились, похоже, все. Виктор уж точно.

– Что ты молчишь? – Голос сестры властно вторгся в голову Карпунцова и разметал по сторонам воспоминания словно бусинки. – Витя, приезжай! Одна я и не знаю, что делать. Тёма тут не помощник, без тебя не решусь маме рассказать, духа не хватит. Приезжай, умоляю тебя.

– А как же с работой? Завтра праздники кончаются. Меня могут не отпустить, сейчас заказ крупный к нам пришел. – Карпунцов говорил, а в душе сам стыдился того, что произносит: одно оправдание, что растерялся, не знает, как поступить.

– Витя, а что, нельзя отпроситься? Ну, за свой счет возьми. Как могут не отпустить? – В голосе Людмилы чуть заметно зазвучали нотки слез. – Давай я с Померанцевым Иваном Петровичем, это главврач, поговорю. Они телеграмму вышлют, чтобы тебя отпустили. Вить, ты когда приедешь? От Москвы ведь всего ночь и еще немножко на поезде.

– Люда, ты все деньги на телефон потратишь. Это ж межгород! – Виктор решил, что сейчас самое лучшее – взять паузу, хоть короткую, но лишь бы иметь возможность подумать. – Завтра еще выходной. Я только двенадцатого смогу с начальством поговорить.

– Вот двенадцатого вечером и выезжай! А телеграмму тебе я завтра организую из клиники. Во вторник утром приедешь, и к маме сразу надо будет, в тот же день.

– Подожди, а Лешку я не увижу, что ли? К нему не пускают?

– Да увидишь, конечно. Я, правда, не знаю, как во вторник будет. Померанцев, ну врач этот, уже сообщил в Москву, в институт их главный, и в Питер, где Лешка лежал. Наверное, отовсюду приедут. Ладно, Витек, денег и вправду немало за межгород вылетает, давай тогда, пока. Ты мне сам позвони, хорошо? Завтра звони или в понедельник, как только решится у тебя. На сотовый звони, если дома нас не будет. Тут у меня сделка по квартире у клиентки одной сейчас. Надо, чтоб не сорвалась, деньги неплохие, поэтому я бегаю вовсю.

Попрощавшись с сестрой, Виктор поднял глаза и только сейчас заметил подошедшую во время разговора Нину. Глаза у жены округлились, а сама она нервно перебирала в руках кухонное полотенце:

– Алексей проснулся?! Это что, правда?!

Виктор в ответ лишь утвердительно покачал головой. Он почувствовал себя полностью обессиленным: не хотелось ни говорить, ни вставать с кресла. Нина, видимо, поняла состояние

мужа, молча наклонилась к телефонному аппарату, который Виктор опустил на пол рядом с креслом, подхватила его и понесла в прихожую.

Карпунцов прикрыл глаза. Перед ними закрутилась уже поблекшая позднейюльская зелень, летнее небо над головой с медленно плывущими островками легких кружевных облачков, за которыми хочется наблюдать долго-долго, аж до конца жизни. Хотя о каком конце жизни можно думать, когда тебе всего лишь пятнадцать лет или около того. Лежишь на разогретом солнцем песчаном берегу Меженки, смотришь на облачка и мечтаешь о чем-нибудь светлом, чистом, манящем к себе.

Как оно все тогда случилось? Мишка Поливанов, да, да, конечно, Мишка, других рядом не было, истошно закричал над самым ухом:

– Витюха, Лешка твой тонет!

И сам, не дожидаясь никого, первым бросился в прохладную даже в самый жаркий день от бьющих по берегам ключей Меженку.

Виктора в тот момент точно пружиной подбросило в воздух и развернуло из горизонтального состояния в вертикальное. Он на автомате ринулся за Поливановым, даже не отдавая себе отчета в том, что делает. Впереди, ближе к противоположному берегу, там, где под водой была яма с завихрениями сразу от двух ключей и куда ребятам строго-настрого запрещали заплывать родители, то поднималась вверх, то исчезала загорелая Лешкина рука. Кричал ли что-нибудь тогда братишка, Карпунцов не помнил. Да и сложно было услышать из-за галдящей, показывающей пальцами на Лешку детворы, столпившейся на берегу.

Когда Виктор добежал до кромки берега, все уже закончилось, и закончилось благополучно. Мишка Поливанов, спортивная гордость их школы, считанными гребками добрался до Лешки, подхватил его, поддерживая голову над водой, и вместе со спасенным подплыл к берегу.

Дальнейшее осталось в памяти обрывками, цветными лоскуточками того давно минувшего дня. Сначала на берегу Лешку приводили в чувство, давали нашатырь, случайно оказавшийся у кого-то из немногочисленных взрослых, день-то был рабочий, потом переворачивали брату голову, чтобы вылилась вода, которой тот успел изрядно нахлебаться.

Затем бежал отец, с неестественно бледным лицом, окруженный мальчишками и девочками, дергающими его в разные стороны за руки и за брюки:

– Дядя Чапай! Да спасли уже Лешку! Мишка его вынес!

Виктор помнил, как батя рухнул коленями в песок рядом с Лешкой, всех отстранил и неумело начал делать искусственное дыхание, которое уже было совершенно ни к чему: Лешка не просто очухался, но, похоже, почувствовал себя весьма неплохо, так как с интересом бросал взгляды во все стороны.

Убедившись, что опасность миновала и сын жив-здоров, отец поднялся, снял с себя ремень и, перевернув Лешку лицом в песок, отодрал его прямо на пляже.

– Силен дядя Чапай! – то ли с опаской, то ли с восхищением сказал кто-то из толпившихся рядом мальчишек.

– Не реви! Поделом тебе! На всю жизнь теперь запомнишь, – громко бросил отец всхлипывающему прямо в песок сынишке, поднялся на ноги, вдел ремень на место и оглянулся по сторонам.

Мишка Поливанов стоял сзади в общей ребячьей толпе, но его высокую спортивную фигуру невозможно было не заметить. Отец рукой раздвинул мальчишек и девочку в стороны и твердым мужским шагом подошел к Поливанову. Мишка потом неоднократно говорил, что даже слегка струхнул от неожиданности. А отец остановился перед ним, внимательно посмотрел глаза в глаза и протянул Поливанову руку. То крепкое, настоящее мужское рукопожатие произвело огромное впечатление на Мишку. По крайней мере, Поливанов еще долго в разговорах о нем вспоминал.

– Витя, так ехать тебе надо? – раздался озабоченный голос жены, выдернувший Карпунцова из царства блуждающих осколков памяти в реальный мир. – Что ты решил?

– Нина, ты говорила, что водочка со вчерашнего осталась, собери-ка ужин, – попросил Виктор. – Я сейчас еще немножко посижу и приду.

Жена ушла на кухню. Виктор прикрыл глаза. На сей раз никакие воспоминания в голову уже не приходили. Карпунцову казалось, он вообще ни о чем не думает, только ловит мимоходом прилетающие звуки. Вот на улице какой-то, должно быть, излишне нервный водитель начал подавать один за другим серию сигналов. Такое частенько бывало: Кирова – улица загруженная, а недалеко от их дома перекресток с вечными пробками районного масштаба. Виктор сам, бывало, клял висящий там светофор на все лады. Уже дом свой родной виден, а никак не доедешь: выдержка у светофора маленькая, за один раз часто и не проскочишь. Только затих клаксон, как раздался плач ребенка. Видать, очередная мамаша с коляской по тротуару проходила. Затем внимание Виктора переключилось на доносившиеся приглушенные звуки с кухни: то воду Нина откроет, то ножом постучит по столу. «Сейчас бы выпить и на боковую, – размечтался Карпунцов. – Правильно говорят, что утро вечера мудренее».

– Витя, Миша звонит! – крикнула Нина.

Далее до ушей Карпунцова стал долетать голос жены, разговаривающей с сыном, но самих слов различить не удавалось. Да и потребности особой не было – обычный повседневный разговор. Утром, еще до дачи, Нина разок набирала сына на сотовый, но тот же в лесу с друзьями, потому и сообщил в ответ женский голос: «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети». А сейчас Мишка, видимо, в более доступное место выбрался. Любит он этот сотовый, постоянно трезвонит, деньги так и улетают. «Новую игрушку нашел словно маленький, – частенько раздражался в последнее время Виктор, обычно про себя, но порой и с Ниной делился. – Вот что в этом хорошего? Зачем приятелям трезвонить? Они ж чай не на Дальнем Востоке, а здесь, в Подольске. А даже если и не в Подольске, то в Москве. Хорошо хоть, у зазнобы его пока нет сотового. Но это до поры до времени». Сам Виктор так и не привык к новой технике, хотя телефон у него был уже с год. Пользовался лишь в крайнем случае, когда по работе разыскивали в выходные или вечером.

Голос жены стих. Карпунцов pokrхтел, затем расправил плечи, немного пошевелил ими, разминая затекшие мышцы, медленно поднялся и побрел на кухню.

– Ну что там Мишка? Не съели их клещи в лесу? – начал расспрашивать он Нину. – А эта пигалица тоже там?

– Что ты городишь? – возмутилась жена, но как-то мягко, беззлобно. – Еще и беду накличешь с этими своими клещами.

– Да нет у нас, в Подмоскowie, энцефалитных клещей. Мы ж не в Сибири живем, – успокоительно произнес Виктор, сообразив, что зря об этих тварях упомянул, вот теперь Нина думать будет, переживать.

– Знаешь, всякое бывает. Я вон в газете читала года два назад, что укусили кого-то. Правда, не у нас, а на севере области. То ли под Дубной, то ли под Талдомом, не помню. Но Мишка брызгалку с собой взял – это я знаю. Береженого Бог бережет. А вот Юлю ты почему невзлюбил? Не понимаю я. Нормальная она девчонка. Чего ты пигалицей ее величаешь? К тому же они просто встречаются. Мишка же не собирается вот так сразу, с бухты-барахты, на ней жениться. Хотя всякое в жизни случается.

– Ниночка, я же не со зла. – Карпунцов пожалел, что назвал подружку сына пигалицей. – Тем более что девка она, кажись, нормальная, без закидонов. Только маленькая, худенькая, вот я потому и сказал.

– Да нормального она для женщины роста. Не всем же баскетболистками быть. Ладно, проехали, – закрыла тему Нина. – Садись давай, мясо сейчас разогреется. Там еще салата много осталось, доедать надо.

– А водочка где? Ты говорила, что оставалось немного?

– В холодильник я бутылку поставила, достань оттуда. Знаешь, Витюша, – Нина посмотрела в лицо мужу, – я тоже с тобой рюмочку выпью. Вот болтаем о том, о сем, а у меня из головы Алексей не выходит.

– И у меня тоже, – признался Карпунцов, направляясь к холодильнику.

Он достал оттуда приятно холодившую ладонь «Столичную», по пути прихватил из висящего на стене шкафчика пару рюмок и усталое опустил на стул спиной к окну.

– Ну что, разливаю? – спросил Виктор продолжавшую хлопотать у плиты жену.

– Да погоди ты! Не видишь, что я еще в запарке? Сейчас мясо дойдет до кондиции, и начнем. – Нина вытерла выступивший на лбу пот. – Ты пока достань оба салата из холодильника. Надо доедать. Нажарила-напарила я в этот раз многовато. Не рассчитала, что Мишка в походе будет. Ладно, завтра явится – доест.

Через несколько минут, когда все приготовления остались в прошлом, Виктор налил по рюмочке и чокнулся с женой:

– За Лешку! За жизнь его новую! Считай, второй раз братуха родился!

– Это уж точно, – согласилась Нина, морщась от проглоченной жидкости и спешно заедая ее соленым огурчиком. – Знаешь, я все не своя хожу, никак поверить не могу. Аж ущипнуть себя хочется. Болтаю тут про салаты, про мясо, а сама о Лешке думаю.

– И я тоже словно обухом по башке пришибленный. Тяжесть навалилась, тело будто из свинца, а ведь радоваться надо. Жаль, что батя не дожил. Так и ушел... Я вот думаю, что с десяток лет он недосчитался через Лешку. Больно сильно переживал! Уж на что мать сильно, а он, мне кажется, еще сильнее. Знаешь, он мне как-то сказал... Давно это было, мы с «северов» только вернулись. Сидели вот так за бутылочкой, в Меженске дело было. Ты, наверное, на кухне была, матери помогала. Короче, мы вдвоем за столом, больше никого. И он сказал, что предложи кто ему, так не задумываясь заснул бы сном этим вместо Лешки. Тихо так сказал, чтоб только я услышал. И искренне. Знаешь, как с трибун иногда кричат: мол, за того парня жизнь свою не пожалею. Пафосно, с надрывом. А батя тихо и доверительно. И я сразу поверил, что он смог бы.

– Как теперь Лешка жить будет? Когда про Машу да про сына узнает. Ужас какой! – вздохнула Нина.

– Не знаю я. Вот убей Бог, не знаю... Людка даже толком не сказала, как он проснулся.

– А как люди просыпаются? Открыл глаза и сказал чего-нибудь, – пожала плечами Нина.

– Людку он не узнал. Вот такие дела!

– Не узнал?!

– Ну да. Говорит, что старая она. В зеркало на себя захотел посмотреть. Дали ему. Лешка увидел, что молодой, вроде успокоился. Знаешь, он же теперь быстро состарится, за год или даже скорее.

– Ужасно все это! – зябко поежилась Нина. – Налей мне еще рюмочку. Я сначала подумала: вот повезло, наконец-то проснулся. Ведь сколько лет ждали! Особенно в первые годы, помнишь? А теперь каково ему будет? Без жены, без сына... и состарится сразу. Ему же пятый десяток идет.

– Ладно, давай по второй. – Карпунцов поднял наполненную почти до краев рюмку. – За мать хочу выпить. Лишь бы она не сломалась сейчас. Помнишь, Людка говорила, что сердце стало чаще прихватывать. А тут такое! Как ей сказать – ума не приложу.

– Так это же радость какая для нее! Сердце – оно от горя болит.

– Бывает, Нина, – покачал головой Виктор, – что и от радости может прихватить, да еще как. Надо мать подготовить. Вот только бы знать – как.

– Когда поедешь? Завтра? Надо тогда вещи собрать тебе.

– Да подожди ты с вещами. Мне же надо на работе отпроситься. Придется за свой счет взять, только бы отпустили. Заказ новый нам пришел. Крупный заказ, станки дополнительные придется расконсервировать.

– Что ты заладил: заказ да заказ. У тебя брат проснулся через пятнадцать лет! Как могут не отпустить, раз такое дело? Давай звони Литовченко домой и отпросись. Он вроде мужик нормальный, поймет.

– Подожди, Нина, не мельтеши. Сегодня уже билет не купишь, касса закрылась, если только на вокзале. А завтра должна телеграмма из Светлоярска прийти официальная, главврачом подписанная. Люда обещала. Так и так только в понедельник вечером получится ехать. Завтра же праздники кончаются, все из Москвы возвращаться станут. А в понедельник места будут. Утром с Литовченко поговорю, как на работу приду. Телеграмму покажу. За день все налажу, чтобы без меня проблем не было, а вечером в Светлоярск.

Глава 6

– Ну чего, Витюха, давай обнимемся, что ли. – Артем Мелешкин шагнул навстречу Людоминому брату, вышедшему из поезда и постоянно поправляющему сползающий с плеча ремень большой дорожной сумки. – Я уж думал, что сорвалось у тебя. Все уже, почитай, из вагона вышли, а тебя все нет да нет.

Виктор смущенно улыбнулся в ответ, с облегчением поставил сумку на перрон и попал в крепкие объятия родственника.

– Привет, Тёма! Что-то сморило меня перед Светлоярском. Всю ночь, считай, не спал, а тут задремал, да и крепко задремал. Меня проводница растолкала. Сумку сложил абы как, теперь плечо натирает.

– Ой, да ладно, нашел о чем думать. Тоже мне проблема! – отмахнулся Мелешкин. – Нам же только до машины. Я ее почти у входа в вокзал припарковал, метров пятьдесят, не больше. Пошли?

– Погоди, а где же Люда? – В глазах приехавшего мелькнуло беспокойство. – У Лешки в больнице?

– Да нет, у нее сейчас сделка на завершающей фазе. Две квартирки там неплохие, одна вообще «сталинка», в центре. Словом, хорошие денежки вот-вот капнут. Давай сейчас к нам домой, посидим чуток, отдохнешь с дороги. Людка придет, тогда и решать будет, что и как.

Артем заметил, что его предложение пришлось Виктору по душе. Тот снова взгромоздил на себя сумку и молча проследовал за Мелешкиным на привокзальную площадь, а затем с видимым облегчением загрузил сумку в багажник.

– Неплохая у тебя тачка, – произнес Карпунцов, пристегиваясь ремнем. – Раньше вроде другая была.

– Заметил? – Мелешкину стало приятно. – Машинку поменяли. Ничего, хорошая штучка. Даже по нашим дорогам вполне прилично пилит. А дороги у нас... впрочем, как и везде, сам знаешь.

– Дураки и дороги, – подхватил Карпунцов. – У нас в Подмосковье хоть что-то начали делать.

– Ну ты сравнил. Подольск – это почти Москва, – произнес Мелешкин, ловя себя на мысли, что они с Виктором перебарываются дежурными, мало что значащими фразами, неосознанно, а может, и наоборот, осознанно пытаюсь оттянуть разговор об Алексее.

– Хочешь сказать, что столичный житель? – улыбнулся Карпунцов. – Да нет, ни «севера», ни Подольск не выбили из меня меженский дух. Это вот Нина у меня подольчанка настоящая, во втором поколении, ну ты знаешь. А я как был провинциалом, так им и остался. В Москве вообще себя неуютно чувствую. У нас в Подольске тоже народа дай Бог, считай, как в хорошем областном центре, но все ж не так, как в столице. Я, когда из Москвы домой приезжаю, душой отдыхаю. У меня даже свое место есть постоянное, где настроение меняется. Мост через Пахру у нас помнишь? Вот переезжаю через него и чувствую себя дома. Странно я сказал?

– Что странно? – не понял Артем, притормаживая перед светофором.

– Не заметил? Я тебе только что говорил, что меженский я, что ничто из меня дух его не выбило. А потом сказал, что в Подольске чувствую себя как дома.

– Знаешь, Витя, – задумчиво произнес Артем, – а ведь так и есть на самом деле. И меженский ты, детство разве забудешь, и подольский уже стал. Сколько лет вы с Ниной там! Дети выросли. Ты же дед уже! Это у нас Машка пока замуж не собирается. А у Мишки твоего как на любовном фронте? Свадьбу когда гулять будем?

– Он тоже не собирается, – махнул рукой Виктор. – Есть одна девчонка. Нина ругается, что я ее за глаза пигалицей зову, но она действительно невысокая и худенькая. Но, помоему, до

женитьбы там еще далеко. Вот в поход с ней сходить – это пожалуйста, все майские по лесам проблуждал, а что-то серьезное не проглядывается.

– Ладно, – кивнул Артем, – придет пора – женится. Каждому свое. А мы, смотри-ка, за разговором и доехали уже.

Мелешкин поставил машину на привычное место во дворе, и они поднялись в квартиру.

– Давай, Витя, раздевайся, располагайся. Если захочешь с дороги в душ, там Люда специально банное полотенце розовое с краю повесила, найдешь. Может, выпить хочешь? – Артем снова поймал себя на том, что готов говорить о чем угодно, лишь бы обходить основную тему.

Похоже, и Виктором руководили подобные чувства:

– Выпить? Рановато вроде с утра. Ну, если только с тобой.

– Проходи в комнату, садись за стол. – Артем жестом показал гостю направление. – Сегодня без меня придется. Я ж за рулем. Ну, если только вечером в Меженске.

– Вечерком так вечерком, – согласился Карпунцов, машинально теребя пальцами край покрывавшей стол скатерти. – А Люда скоро вернется?

– Надеюсь. Хотя как получится. В этом деле риелтор-ском мало что предсказуемо. Частенько бывает, что усилий вагон и маленькая тележка, а в итоге пшик. Что-то срывается, особенно когда сделка с альтернативой. То один передумал вдруг, оказывается, у него еще вариант был, то у другого жена взбалмошная. Помню, была одна такая. И квартиру раз пять смотрела, все вроде нормально, уже пора на сделку выходить, а ей цвет обоев в последний момент не понравился. Слишком розовые. Людка ей говорит, мол, обои другие переклейте, какие захотите, все равно ремонт делать, Вы же квартиру покупаете, а не обои. А та ни в какую. Типа комната смотрится хреново с этими розовыми обоями. Вот пусть хозяева сначала переклеят обои на светло-салатовые, а она потом придет и еще думать будет. Ну скажи, не дура?

– Может, дура, хотя скорее стерва, – сделал вывод Виктор. – И видно, квартира та ей не слишком была нужна, раз такое отчебучила. Да, непростое у Людки ремесло. А ты ей помогаешь или занят чем другим? Помнится, вроде торговлей заниматься начинал.

– Да всем понемножку, – обреченно махнул рукой Артем. – И Люде помогаю. В основном в качестве водителя. Ну и торговля немножко есть. Одна палатка у меня небольшая продуктовая. Раньше сам торговал, теперь девчонку молодую взял. Представляешь, институт закончила, а работы по специальности нет, вот у меня в палатке и сидит. В новом спальном районе это, магазинов там пока негусто, а место бойкое: люди как раз с автобусной остановки идут.

– У тебя же пенсия еще военная, – напомнил Виктор.

– Да есть и пенсия. – Артем скривил губы, как и всегда, когда приходилось затрагивать эту болезную для него тему. – Еле добился ее. Там же выслуга нужна, а часть нашу в итоге расформировали. Да и подполковника мне не дали, взыскание вклеили, потом второе. Ну, это я сам виноват, не надо было с комполка на конфликт идти. Хотел увольняться без выслуги, вот до чего меня все они достали. А тут Людка, светлая голова, давай, мол, в Светлоярск, в родные края хочется.

– Ты же в военкомат попал в итоге. Я ничего не путаю? – уточнил Карпунцов.

– Не путаешь, все так и есть. Всякими правдами-неправдами и перевелся. Сам удивляюсь, как получилось. Так и дослужил. Но подполковника не получил, майором остался. Да разве о таком мечтал, когда в военное училище шел? Ладно, не будем о грустном, перелистнул я в жизни эту страничку. Лучше о себе расскажи, о Нине. Ты все на заводе вкалываешь?

– Ага, там, – подтвердил Карпунцов и неожиданно для Мелешкина резко сменил тему: – Ты же видел Лешку? Как он? Это правда, что Люду не узнал?

– Правда, – опустил глаза, подтвердил Артем. – Сказал, что старая какая-то, только голос похожий. Меня вообще не признал. Я, правда, в уголке стоял, в сторонке. А Людка до сих пор в себя прийти не может, плачет. От меня скрывает, думает, что не вижу, а я всегда замечаю, когда глаза у нее красные.

– Получается, и меня Лешка не узнает? – подрагивающим голосом спросил Виктор.

– Он знает, что ты сегодня приезжаешь. И то, что все вокруг постарели, тоже уже знает. Ему пока не сказали, сколько лет проспал. Доктора считают, что надо постепенно. Термин у них даже есть – дозированно. Неплохой мужик там главврач Иван Петрович. Душевный очень, может, даже мягковат для начальственной должности. Ждут еще из Питера, из института профильного, и из Москвы. Будут Лешку изучать.

Из прихожей послышался звук открываемой ключом двери.

– Ну вот и супружница пришла! – Артем почувствовал внутреннее облегчение. Висевший гирькой на душе груз необходимости рассказывать Виктору о Лешке перекатывался теперь на Людмилу.

Виктор никак не отреагировал и продолжал сидеть, погруженный в свои мысли.

– Встречай сестру! – еще раз напомнил Артем.

– А? Что? – очнулся Карпунцов. – Люда пришла?

Виктор порывисто встал и размашистым шагом вышел из комнаты. Через считанные секунды из прихожей донеслись звуки объятий, восклицаний и легких всхлипываний жены:

– Витенька! Наконец-то я тебя дождалась. Теперь вместе будем.

– Людок, здравствуй! Конечно, вместе. И ты, и я, и Лешка с нами. Всё как когда-то, помнишь?

– Помню. С мамой-то как быть? С сердцем у нее все хуже и хуже. Как про Лешку скажем? Боюсь, удар может хватить. – На лице входившей в комнату в обнимку с братом жены Мелешкин заметил скатывающиеся слезинки.

– Сам всю дорогу об этом думал, – ответил Карпунцов, – и ни черта в башку не пришло. По обстоятельствам посмотрим, по тому, как она себя чувствовать будет. А ты когда у мамы была?

– Знаешь, Витя, выпороть меня, нерадивую, стоит. Ты вот как старший брат и давай. Даже не скажу точно, когда в Меженск мы ездили. В марте, похоже.

– Точно в марте, – решил подтвердить слова жены Артем, чтобы прекратить начинавшее раздражать его самобичевание жены, и сразу сменил направление разговора: – Люда, ты на сегодня все? Что твоя разлюбезная Марианна Марковна? Согласилась на сделку?

– Да согласилась вроде. Тьфу-тьфу, не сглазить бы! – Людмила бросила взгляд по сторонам в поисках ближайшей деревяшки и остановила свой выбор на дверном косяке. – Ладно, черт с ней, не об этом сейчас разговор.

– То есть на сегодня все? – уточнил Мелешкин.

– Все. Устала я с ней порядочно, с Марианной, семь пятниц на неделе у бабы. Ой, мальчишки, вы ж голодные тут сидите, – всплеснула руками Людмила, бросая взгляд на стол. – Мужек, ты тоже хорош! Не мог ничего разогреть? В холодильнике все есть.

– Люда, да не хлопочи ты! Я совсем не голодный, потому и отказался. Тёма мне предлагал. Так что ты на мужа не наговаривай, – заступился за Мелешкина Карпунцов, – давай лучше план наметим: что сначала, что потом. С больницы начнем? Потом в Меженск?

– Ты на сколько приехал? – спросил Артем.

– Ах да, забыл сказать. – Карпунцов провел ладонью по лбу. – Значит, так, на работе меня отпустили до конца недели. Кстати, телеграмма главврача сильно помогла. Литовченко, это начальник мой, раз пять перечитывал, все никак поверить не мог. Я же никому на работе про Лешку не рассказывал никогда. А тут такое началось! На меня смотреть стали как на экспонат музейный, словно я знаменитость. Особенно наши кадровички. У тех вообще глаза размером с Луну сделались. Ну ладно, снова меня в сторону заносит. Короче, дома мне надо быть в воскресенье, билет обратный на субботу, на вечерний поезд.

– Сегодня вторник? – переспросила Людмила.

– С утра был вторник, – попытался немножко пошутить Мелешкин, но его никто не держал.

– Короче, сегодня полдня, среда, четверг, пятница целиком, ну и в субботу до вечера, – подытожил Карпунцов.

– Думаю, надо сегодня в Меженск ехать, – предложила Людмила. – Только вот не знаю, как мы у мамы втроем разместимся. Там же одна комната теперь вещами заставлена, шкафы перенесли, чтобы у мамы посвободней было. А то тетя Дуня говорила, что, когда скорую один раз вызвали, врач между шкафом и сундуком бабушкиным не вписался, ногу сильно ушиб, чуть ли не на сундук грохнулся, потом тете Дуне выговаривал, что за вредность молоко давать надо.

– На кухне раскладушку поставим, я там переночую. Тетя Дуня – это та, что этажом ниже? – уточнил Виктор, морща лоб.

– Она самая, – подтвердила Людмила, – хорошая женщина, дай Бог ей здоровья!

– Так может, позвонить, предупредить, что приедем? – в раздумье предложил Карпунцов. – Там же у соседки телефон домашний есть, ты сама говорила.

– Я тоже поначалу так думала, – ответила Людмила. – Но потом решили с Тёмой, что не стоит. Вить, ты вот сам рассуди. Что она подумает, когда узнает про нас всех троих? Наверняка решит: с Лешкой беда случилась. Нет, давай без звонка приедем, а дальше как получится. По маминому состоянию решим, когда и как сказать.

– Согласен, сестренка, – закачал головой Карпунцов. – На все сто согласен. Тогда к Лешке сейчас?

– Конечно, к Лешке. Только давай перекусим сначала, а еще лучше пообедаем и соберемся. Предлагаю после больницы сразу к маме поехать. Ты как, Тёма, считаешь, можно без заезда или домой стоит заскочить? – повернула голову к мужу Людмила.

– А чего заскакивать? Сейчас соберем, что нужно в дорогу, и в путь. В Меженск лучше пораньше добраться. Наверняка дорогу после зимы в порядок толком не привели. Когда с трассы сойдешь, сильно разбито там было, колдобина на колдобине. Машка знает, что мы к бабушке едем, так что можно не заезжать сюда.

– Где она, кстати? – вспомнил о племяннице Виктор. – Институт заканчивает?

– Четвертый курс, – с удовлетворением в голосе произнесла Людмила. – А твои Мишка с Васькой как отреагировали?

– Да никак, – замотал головой Виктор. – Васе мы позвонили, конечно. Но, знаешь, для них обоих Лешка... даже не знаю, как и выразиться... словом, Мишка, считай, его не спящего совсем не помнит. Васька, тот, думаю, помнит, но он еще мелким пацаном был. Короче, ни тот, ни другой желаний ехать сюда в больницу не выразили. Мы с Ниной подумали и настаивать не стали. Может, и к лучшему это. Не зря врачи говорят, что дозированно надо.

– Конечно, для ребят наших Лешка словно не свой, – согласился Мелешкин. – Машка тоже как узнала, как-то со стороны рассуждать начала. Просто с интересом, что дядя после стольких лет в себя пришел, но не больше. Она ж Лешку точно не помнит. Да и в больницу давно не ходила.

– Вот и с нашими аналогично, – подтвердил Карпунцов. – Маша хотя бы тут, под боком, а наши пацаны далеко. Я уж и не помню, когда в клинике они были.

– Да о чем тут говорить! – послушав мужчин, включилась в обсуждение Людмила. – Положа руку на сердце, разве мы надеялись в последние годы, что Лешка придет в себя? За себя скажу – я давно отчаялась и смирилась.

– Я, сестренка, тоже, – грустно покачал головой Карпунцов. – Только мать с отцом и надеялись.

– Врачи всегда говорили, что не вечно это, – продолжила свои рассуждения Людмила. – Но со мной будто раздвоение случилось. Умом понимаю, что не вечно, а вот чувствами не верю.

Даже сейчас до конца поверить не могу. Ладно, заболталась я. Пойду по-скорому приготовлю что-нибудь, поедим и собираться будем.

– А чего собираться? – посмотрел на жену Мелешкин. – Мы же вчера еще вечером гостинцы в сумку положили.

– Мне тем более собирать нечего, – подхватил Карпунцов. – Сумка вон стоит нераспакованная.

– Ну, это я так, к слову, – замахала руками Людмила. – Все, пошла на кухню. А вы тут пока поболтайте. Витя, может, рюмочку с дороги?

– Да что я, алкоголик, чтобы одному пить! – отмахнулся Карпунцов. – Тёме нельзя, он за рулем. Давайте лучше вечером все вместе. И потом, не хочу я к Лешке ехать, чтоб изо рта несло.

Мелешкин проводил взглядом жену, заспешившую на кухню, потом посмотрел на гостя и понял, что не знает, о чем с ним говорить. Про Лешку вроде все сказано. А другие темы не вырисовывались. «Недружные мы какие-то. Собрались, и поговорить не о чем. Наверное, и встречаемся из-за этого редко. А может, это я один такой нелюдимый? – начал терзать себя Артем. – Все оттого, что ни брата, ни сестры. Вон Людка другой выросла: старший брат, младший брат. Хотя сейчас с Виктором тоже без особого тепла разговаривала. А с чего я это решил? Чужая душа – потемки, хотя жена как-никак, за столько лет изучил. Искорка у Людки порой в глазах проскакивает. А сейчас чего-то не было, не заметил я».

Мелешкин попытался отогнать грустные мысли. Частично ему это удалось, в голове стало возникать все больше безразличного к горестям вакуума. Артем прикрыл глаза и оказался во власти возникающих и пропадающих, замирающих на месте и срывающихся в стремительный танец цветных пятнышек на фоне чернильной темноты. Хотелось просто сидеть, ничего не видеть и никуда не двигаться.

– Ты чего, заснул? – с досадой услышал он прогоняющий состояние покоя голос Карпунцова.

Волей-неволей пришлось очнуться и даже пробормотать в ответ:

– Нет, это я просто глаза прикрыл.

– Да ладно, – махнул рукой Карпунцов, – тут все свои. Меня вот тоже в сон потянуло. Перенервничал в поезде. Тысячу раз в башке прокрутил, как Лешку увижу. А все равно дрожь какая-то во мне засела... Словами толком не могу выразить. Само тело не дрожит, а что-то внутри ходуном ходит, ворочается, покоя не дает. Может, это душа и есть. Как думаешь, Тёма? У тебя такое бывает?

Мелешкин не ожидал услышать от гостя такого признания. Старший брат сестры всегда представлялся ему человеком не очень многословным, частенько даже замкнутым, точнее, не стремящимся свою душу распахивать наружу, чтобы кто-то мог туда заглянуть и поизучать ее глубины. А вдруг не так на самом деле? Ведь он, Артем, не каждый день Виктора видит. Это даже слишком мягко сказано. В последние годы вообще, считай, не виделись и не общались. Хорошо, если раз в год пересекутся они с Людмилой с Виткиной семьей, а то ведь и реже случалось. Телефонные поздравления с днями рождения и прочими праздниками не в счет: чего там скажешь за пару-тройку минут, да и говорит в основном только Люда. А вот сегодня по-другому пошло. Может, Виктор совсем иной человек, чем кажется? Артем ощутил, что его в ответ тоже потянуло на откровенность:

– Я, когда мы в субботу с Людкой первый раз в больницу поехали, сам не свой был. Вроде и никто мне Лешка, по большому счету. Ты только не обижайся, но так ведь? Не брат, не друг закадычный. Брат сестры. Не чужой человек, понятно, но я его толком и узнать не успел. Мы с Людкой по гарнизонам мотались, ну, сам помнишь, чего я говорю. В Меженск нечасто заглядывали. К чему это я? Ах да, про Лешку. Не знал я его особо, а потом шестнадцать лет эти, тут точно не узнаешь. Вроде мне-то отчего переживать сильно? Ан нет, сам не свой был.

Понятное дело, сам держаться старался и Людку поддерживать. Она молодцом выглядела. А потом смотрю, лицо то белеет, то густо-розовым становится. Видно, целые шторма внутри бушуют. Когда вошли в палату, я в сторонке у стеночки стал, и напряжение ушло. Вижу, что Лешка меня точно не узнаёт, раз он даже Людку не признал. И мне легче стало. Во-первых, определенность появилась. А во-вторых, первый момент, самый волнительный, уже позади оказался. Вот поверь, и с тобою сегодня так же будет, уйдет волнение, спадет. Хотя ты ведь брат Лешке, тут может и по-иному быть.

Артем почувствовал, что выговорился, и замолчал.

– Спасибо тебе, – негромко произнес Виктор. – Помог ты мне сейчас. Хочешь верь, хочешь не верь, но что-то с души у меня снял ты своим рассказом.

Мелешкин не ожидал услышать такую благодарность. Искренняя она была, не наигранная, чувствовалось, что от сердца шла. Захотелось посидеть вдвоем, с глазу на глаз, потолковать с Виктором вот так, как сейчас пошло. Но появилась жена, начавшая таскать тарелки с закусками из кухни, и возникшее желание отошло в сторонку. Люда – она хороший человек, любимый, столько всего вместе прожито и пережито, но сейчас точно была бы лишней для такого разговора с Виктором.

– Сестренка, давай я тебе помогу, – сквозь раздумья услышал Артем голос Карпунцова.

Не дождавшись ответа Людмилы, Виктор встал и пошел на кухню. Артем остался в одиночестве.

Вспомнились давние среднеазиатские ночи, когда долгожданная прохлада манила возможностью спокойно отдохнуть до утра после бесконечно длинного дня на раскаленном солнцем полигоне и перед следующим, не менее изнурительным днем. В одну из таких ночей он испугался очень сильно. Где-то над ухом, вырывая из могучих объятий сна, пронесся короткий вскрик жены.

– Что, тревога? Дежурный по части звонил? – с досадой оторвал от подушки голову тогда Артем и открыл глаза.

И тут же в ужасе снова их захлопнул и изо всех сил зажмурился. Рядом на кровати сидела Люда с прямой, как гладильная доска, спиной и взглядом, полным... Честно говоря, Артем даже не мог толком сформулировать, что он успел заметить в глазах жены. Много раз потом пытался, но так и не сумел. В них было что-то доисторическое, первобытное, даже животное. Артем все же смог заставить себя еще раз открыть глаза. Взгляд механически упал на занавеску с забавными разноцветными слонятами. За ней на своей кровати спала Машка, тогда она совсем маленькая была. Там не чувствовалось никакого движения. Видно, Машкин детский сон не был потревожен вскриком матери.

Артем осторожно переместил взгляд от занавески вбок, на сидящую рядом на кровати жену. Она по-прежнему была с неестественно выпрямленной спиной. А лицо! От него веяло мертвенной белизной, веяло сквозь заполнявший комнату предрассветный сумрак.

– Люда, что с тобой?! – Артем принялся тормошить за плечи жену, которая лишь шевелила губами и ничего не произносила. – Люда, тебе приснилось что-то? Почему ты вскрикнула? – Мелешкин все сильнее и сильнее тряс ее за плечи, пытаясь привести в чувство.

– Я испугалась, – наконец произнесла Людмила трясущимися губами.

– Чего? Чего ты испугалась? Я здесь, я рядом с тобой, я тебя никому в обиду не дам! – Артем пытался успокоить жену, а сам перебирал в голове один за другим варианты того, что могло случиться.

– Я... я испугалась... что не проснусь. Может, сон такой увидела, не помню, но страшно испугалась. Подумала, что буду как Лешка. – Людмила взглянула на мужа и добавила: – Тёма, а ты не бросил бы меня?

– Ты – двойная... двукратная дура. – У Артема отлегло от сердца.

– Почему? – продолжавшим дрожать голосом тихо спросила Людмила.

– Во-первых, с тобой никогда не случится. Запомни – никогда! Врачи разве тебе не говорили? Говорили! – Артем чеканил слова нарочито уверенно, словно вбивая гвозди в голову жене. – А во-вторых, ты дура, поскольку вообразила, что могу тебя бросить. Потому и двукратная дура или дура в квадрате – выбирай, что тебе больше нравится!

Потом такие случаи повторялись не раз, но было уже проще, привычнее, пожалуй, не было и страха. По крайней мере такого, как в ту далекую ночь, наполненную долгожданной южной прохладой.

– О чем задумался, Артем? – спросил Виктор, начавший под чутким руководством сестры таскать из кухни в комнату вилки-ложки, а потом и салат, точнее, пару салатов.

– Скажи, ты никогда не боялся заснуть, как Алексей? Ну просто потому, что ты брат. Раз с ним случилось, то может и с тобой случиться. Было такое?

Виктор поставил тарелку с салатом на стол, вздохнул, присел напротив Артема и признался:

– Было. Потом ушло вроде. А поначалу было. Но я старался не говорить, чтоб не тревожить. А Люда тоже, наверное? Я никогда ее не спрашивал об этом.

– Да, с Людой такое было. Поначалу очень она боялась. Очень. Я потому и спросил, – ответил Артем.

– Знаешь, мне тоже в первое время не по себе было. Крутились такие мыслишки в башке, – разоткровенничался Виктор. – Особенно по ночам. Лежишь, а чертовщина разная в башку прет, как будто там медом намазано. Еще я очень боялся Нине о своих страхах сказать. Она потом места себе не находила бы. Помню, случай один на «северах» у нас был... Ладно, не буду о грустном. Там все обошлось. Просто нештатная ситуация, парень один, что со мной работал, тяжелую травму получил, а мне повезло. Это я к тому, что Нина страшно переживает всегда, потому я и боялся слово проронить насчет страха стать как Лешка. А потом вроде ничего, нельзя же всю жизнь бояться. Сплю как все, бессонница иногда случается. Но лучше пусть бессонница, чем как с Лешкой.

– Витя! – раздался из кухни голос Людмилы. – Где же ты? Взялся помогать, а сам исчез.

– Все, пошел, – заспешил Карпунцов. – Обещал ей кастрюлю с супом сюда перетащить, чтоб разливать сподручней было.

– Может, мне тоже к вам присоединиться? – Мелешкину стало неудобно оттого, что гость вовсю таскает тарелки, а он сидит сиднем и воспоминаниям предается.

– Да ладно, Тёма, там осталось с гулькин нос. Сейчас кастрюлю принесу и все. А, еще сковородку с картошкой. Отдохни, тебе ведь потом за руль садиться, – ободряюще улыбнулся Виктор. – Дорожка небось на подъезде к Меженску та еще?

– Да, ничего там не меняется, – безнадежно взмахнул рукой Артем, – каждый год обещают расширить и заасфальтировать заново. А по факту только ямы да выбоины наиболее здоровые наспех закатывают. Толку никакого: зима проходит, и по весне снова ямы на тех же местах.

Виктор притащил суп, затем появилась Людмила с хлебницей в руках, и в итоге все трое наконец-то уехали за стол.

– Кажется, ничего не забыла. – Привычный взгляд хозяйки промониторил находящееся на столе.

– Да угомонись ты, Люда. – Мелешкин понимал, что жена суетится сегодня больше обычного, пытаясь таким образом не думать о том, как они с Виктором будут рассказывать матери о Лешке. – Ты бы лучше брату выпить немножко принесла, да и самой не помешало бы.

– Знаешь, Артем, – откликнулся Карпунцов, – при других обстоятельствах я не прочь принять рюмашку-другую, да ты знаешь. А вот сегодня не полезет в горло. Давай вечером, когда в Меженск приедем. Ума не приложу, как матери сказать. Такое потрясение, а сердце ни к черту.

– Вот и я не приложу, – отрешенно ковыряя салат вилкой, согласилась с братом Людмила и подняла глаза на мужа. – Придется тебе, Тёма, на себя разговор брать. У нас с Витей нервы ходунами ходят.

– Я сам об этом начинаю думать. – Мелешкин понимал доводы Люды. – Ладно, прорвемся. В жизни всякое бывало, а мы прорывались. Тем более что новость-то радостная.

– От радости тоже сердцу может худо стать, если не умеючи сообщить, – вздохнула Людмила.

– Слушайте, родственники, давайте хоть немножко тему сменим? – предложил Виктор. – Как ваша Маша? Как у нее с учебой?

– Братик, дорогой, – удивленно подняла глаза Людмила, – ты же спрашивал уже о ней. Аль забыл? На четвертом курсе она. Целыми днями в институте.

– Ой, мать, неужели ты в это веришь? – иронично произнес Артем. – В институте и нигде больше? С приятелем своим время проводит. Почему, кстати, она домой к нам его не приводит, если у них все серьезно?

– Вот ты у нее и спроси об этом, – отрезала Людмила. – Ты же отец! Так поговори с ней по-отцовски.

– При чем тут по-отцовски? – Мелешкин не до конца был согласен с логикой жены. – Если бы сын, то понятно, а тут девчонка. Тебе как матери проще.

– А раз мне проще, то я, к твоему сведению, давно уже поговорила и не раз, – подытожила Людмила. – И тебе об этом рассказывала, только ты почему-то не веришь. С Сережкой у нее все несерьезно. И сам он парень не для жизни, юморной какой-то. С ним посмеяться и пошутить можно, а вот насчет большего сто раз подумать стоит. Маша это чувствует. Не надо думать, что у нас дочка белое от черного отличить не может. Слава Богу, разницу понимает. Она сама почувствует, с кем нас знакомить и когда.

Артем решил не спорить с женой, тем более что со многим в ее словах он был согласен. Маша – действительно девушка серьезная, не вертихвостка. Хотя и такой девушке может вскружить голову понравившийся парень. Подумает, вот он, принц на белом коне, и бросится, утратив осмотрительность, в омут страсти. А когда вынырнет назад, то окажется, что и конь под принцем отнюдь не белый, да и принца как такового не наблюдается, а торчит на его месте заурядный пацан. Хорошо еще, если после протрезвления чувств в животе ничего не добавится. Вон их сколько, матерей-одиночек, по белу свету ходит.

До слуха Мелешкина, задумавшегося о жизненных перспективах дочери, стали долетать фразы из разговора жены с Виктором. Карпунцова интересовали малейшие детали ее общения с Лешкой. Виктор не скрывал, что очень сильно волнуется.

Мелешкин подумал, что самое лучшее сейчас – это быстрее поехать в клинику и тем самым сократить время терзающего душу ожидания.

– А не пора ли нам в путь? – Дожевывая картошку, Артем обвел взглядом жену и Карпунцова. – В народе говорят: хуже нет ждать да догонять.

С предложением Мелешкина они сразу согласились, начали двигать стульями, носить посуду на кухню, упаковывать гостинцы для Меженска. Сам Артем таскал собранные Людой еще накануне пакеты, сумки и сверточки в багажник. Наконец, убедившись, что ничего не забыто, и оставив на столе подробную Людмилину инструкцию для дочери, что где находится и что надо купить, тронулись в путь.

* * *

Вахтер на КПП в клинике без препятствий пропустил внутрь Мелешкина с женой, благо их физиономии уже примелькались, а вот Виктора тормознул:

– Товарищ, постойте, вы у нас кто будете?

Виктор, намеревавшийся вслед за четой Мелешкиных пройти через турникет, остановился и с некоторой степенью недоумения в голосе представился:

– Я – Карпунцов.

– Карпунцов у нас в палате номер сорок пять лежит, – то ли съязвил, то ли действительно не понял вахтер.

– Я брат Алексея, старший. – Виктор достал из кармана паспорт и протянул его.

– Подождите, – вмешалась Людмила, – я же еще вчера говорила, что сегодня к Алексею брат приезжает.

– Вчера не я дежурил, а сменщик мне ничего не передал. – Вахтер изучил паспорт Виктора, тщательно пролистав все странички, даже пустые, и вернул его хозяину. – Проходите. Вы сначала к Ивану Петровичу загляните. Он как раз еще на месте, потом куда-то ехать должен, как мне секретарша говорила.

– Хорошо, так и сделаем, – ответила за брата Людмила.

В приемной перед дверью директорского кабинета – а Померанцев, с тех пор как стал исполняющим обязанности директора, часть дня проводил здесь – вертелась на кресле секретарь Лина. Она разглядывала в зеркальце результаты нанесения туши на ресницы. Дверь из коридора в приемную была открыта, и Лина не успела спрятать зеркальце и тушь в косметичку. Лицо ее от смущения покрылось краской, но Карпунцов с сестрой не обратили на секретаршу никакого внимания. Мелешкину же захотелось рассмеяться, но он сдержался, решив, что Лина может обидеться. В результате Артем лишь заговорщицки подмигнул девушке и получил в ответ благодарную улыбку.

– Иван Петрович, – Лина сняла трубку селектора, – пришли родственники Карпунцова.

Выслушав в трубку короткий ответ начальника, она рукой показала на дверь директорского кабинета и снова потянулась к зеркальцу.

Мелешкин взял инициативу в свои руки, первым подошел к двери и постучал. Услышав приглушенный голос Померанцева, Артем рывком потянул ручку на себя и переступил порог.

– Артем Иванович, здравствуйте, рад видеть! – Выходя из-за стола, главврач подал Мелешкину руку.

Пока обменивались рукопожатиями, Виктор с Людмилой тоже успели очутиться внутри. Померанцев поздоровался с Виктором и, усадив всех за гостевой столик у окна, тихо заговорил с Карпунцовым. Поскольку Виктор редко приезжал в клинику, а последние несколько лет вообще не заходил, главврач его знал плохо.

– Ладно, Виктор Васильевич, – резюмировал Померанцев, обращаясь к Карпунцову, – идемте к вашему брату. Да не волнуйтесь вы так! Все будет хорошо. Алексей вас ожидает, мы его предупредили. Юношей он вас увидеть не надеется, уже начал привыкать, что все кругом весьма... хотел сказать – постарели, но не будем о грустном... давайте так скажу – весьма изменились. Идемте!

Все вместе поднялись на четвертый этаж. В коридоре виднелся один из санитаров, восседавший на стуле около сорок пятой палаты с какой-то потертой книжкой в руках. Увидев Померанцева, он смутился, вскочил на ноги, спрятал книжку за спину и с виноватой улыбкой вытянулся во весь свой немалый рост.

Иван Петрович ограничился укоризненным взглядом, открыл дверь палаты и пропустил вперед себя Виктора.

– Раз-два, раз-два, сжимайте мячик пальцами и одновременно сгибайте руку, – раздавались команды молодого человека в распахнутом белом халате, ухитрявшегося одним глазом смотреть на стоящего перед ним пациента, а другим наблюдать за стрелкой зажатого в левой руке секундомера. Алексей послушно выполнял упражнения, он раскраснелся и учащенно дышал.

Мелешкин, остановившись у двери, наблюдал за братьями. Губы Виктора то открывались, то снова плотно сжимались. Казалось, он хотел что-то сказать, наверное, позвать Лешку, но не решался. Тот же находился к входной двери спиной и еще не успел повернуться и увидеть пришедших.

Виктор двумя быстрыми шагами подошел, почти подбежал к брату и приобнял сзади за плечи:

– Лешка! Вот мы и встретились, братуха!

Карпунцов-младший резко обернулся и застыл. Шарик, которым он тренировал кисти рук, выпал и покатился под кровать. Молодой человек в распахнутом белом халате отработанным движением ноги остановил движение шарика, нагнулся и положил его себе в карман. «Странно, – с недоумением подумал Артем, – почему я за этим шариком наблюдаю?» Он перевел взгляд на Карпунцовых, пристально вглядывавшихся друг другу в лицо.

– Братка, это ты? – со слезами в голосе наконец произнес Алексей.

– Я, Леша, я. – Плечи Карпунцова-старшего заметно задрожали. – Что, старый стал? Но я же, братуха, старшенький, мне и положено таким быть.

– А мать с батей приехали? – Алексей оглядел всех глазами, в которых поселилась робкая надежда. – И Манюся с Сережкой тоже?

Артем увидел, как Виктор оторвал взгляд от брата и беспомощно оглянулся сначала на Людмилу, потом на него. И дома за столом, и в машине, пока ехали в клинику, они так и не смогли решить, как правильно отвечать на вопросы насчет бати и Маши с сыном. Что лучше: тянуть как можно дольше или пора сказать горькую правду? Помочь советом могли только врачи. Но даже Померанцев, которому Артем задавал этот вопрос и при жене, и наедине, колебался. Представлений об особенностях психического склада пациента ни у кого в клинике не было. А за три прошедших дня нельзя было сделать достоверных выводов. Все могло повернуться совсем не так, как представлялось. Никто не мог спрогнозировать, как пациент может повести себя после длительной летаргии, уж очень редко она случается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.